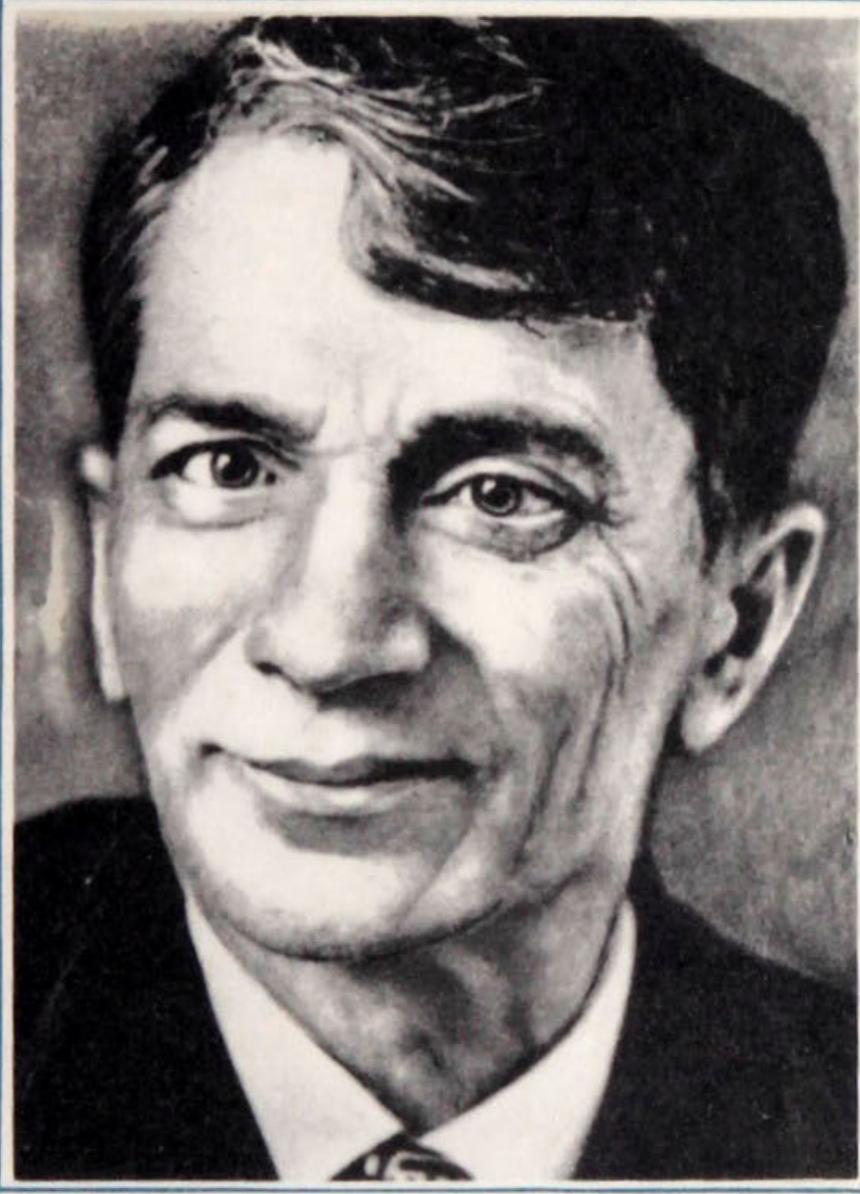


33.3(2Р0е=Ру)6
8. M/21

А.И. МАЛЮТИНА



НИКОЛАЙ
МАМИН

83. ЗРЧ
М21

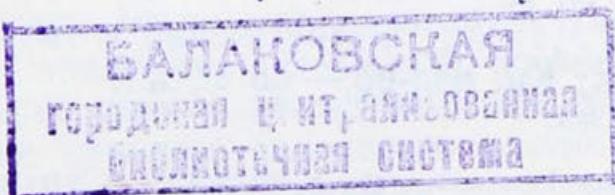
ОБ

А. И. МАЛЮТИНА

НИКОЛАЙ МАМИН

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

03
окт 93
аб 87 92
42853 + 00



Красноярское
книжное
издательство
1984

Рецензент
кандидат филологических наук
В. П. ВЛАДИМИРЦЕВ

Малютина А. И.

М18 Николай Мамин: Очерк жизни и творчества. —
Красноярск: Кн. изд-во, — 88 с., ил.
25 к. 5000 экз.

Критико-биографический очерк о красноярском писателе Н. И. Мамине, авторе известных книг — «Законы совместного плавания», «Знамя Девятого полка», «Крохальский серпантин» и другие.

М 702030—056
М(143)—84 33—84

© Красноярское книжное издательство, 1984

НАЧАЛО ПУТИ

Для творчества Мамина, который был старше Великого Октября на одиннадцать лет, характерны широкий охват исторических событий, многообразие и яркость человеческих характеров. В судьбах его героев отразилась история советской страны за полвека: Октябрьская революция, гражданская и Великая Отечественная война, мирные десятилетия.

Повести Мамина «Знамя Девятого полка», «Витязи Студеного моря», «Златые горы», «Валеркина любовь», «Крохальский серпантин» и другие полюбились не только сибирскому, но и всесоюзному читателю.

Начало творческого пути Николая Ивановича Мамина (1906—1968) совпало с годами восстановления разрушенного гражданской войной и интервенцией народного хозяйства.

Он родился 24 октября (6 ноября нового стиля) 1906 года в большом приволжском селе (ныне городе) Балакове Самарской губернии. Город сплошь состоял из деревянных строений с резными ставенками. Только в центре выселились толстенные каменные дома богатых торговцев, на которых батрачила ютившаяся по окраинам беднота.

Толпа вихрастых мальчишек, среди которых был и одиннадцатилетний Коля Мамин, обжигая босые ноги о горячий песок, восхищенно следила за рождением в 1917 году знаменитой Волжской военной флотилии, защищавшей от ударов контрреволюции завоевания Октября. Рабочие крупного балаковского затона одевали обычные суда в броню. С броневыми катерами и миноносцами на Волгу как бы пришло военное море. Завистливыми взглядами провожали ребята сходящих на берег военных моряков, опоясанных пулеметными лентами. Среди молодых командиров был и Всеволод Вишневский, будущий писатель. По пригибающемуся трапу спускался на берег

Николай Маркин — легендарный комиссар Волжской военной флотилии. Пытливые подростки слышали пламенный клич, брошенный на площади в людское море худощавым конником Василием Чапаевым, — «рубить гидру контрреволюции». И вскоре Чапаев карающим вихрем пронесся по белому Заволжью и уральским степям. Балацковские рабочие ценою огромных жертв преградили белой армии дорогу к великой реке. Впечатления тех легендарных дней никогда не тускнели в душе Николая Мамина.

Отец писателя Иван Васильевич (1876—1938) и дядя Яков Васильевич (1873—1955) были зачинателями тракторостроения на Волге. В 1893—1895 годах Я. В. Мамин «построил самоходную тележку с двигателем внутреннего сгорания — прообраз современного колесного трактора. В период 1899—1908 им был построен двигатель с насосным (бескомпрессорным) распыливанием топлива от сжатия. С 1913 на заводе г. Балакова Мамин начал выпуск тракторов, впервые оборудованных двигателями с воспламенением от сжатия, мощностью 25—45 лошадиных сил», — говорится в Большой Советской Энциклопедии¹.

Иван Васильевич Мамин окончил Саратовское училище сельскохозяйственных машин. Волевой, инициативный, обладавший удивительной способностью русского человека проявить себя в любых условиях, он, как и старший брат, увлекался изобретательством (сохранились копии авторских свидетельств на его изобретения). Открытая братьями мастерская по производству нефтяных двигателей собственной конструкции «Русский дизель» помогала промышленному развитию аграрного Поволжья. Из предприятия братьев Маминых в советское время вырос крупный завод имени Ф. Э. Дзержинского. В 1976 году он отмечал свое 70-летие, на которое была приглашена дочь Ивана Васильевича, сестра Николая Мамина Галина Ивановна — преподаватель кафедры физики и метеорологии Ленинградской лесотехнической академии. Заводской музей пополнился тогда новыми экспонатами, среди которых были и книги Николая Мамина. Старые рабочие вспоминали, как благодаря стараниям Ивана Васильевича, в городе открылся дом для не имеющих жилья, касса взаимопомощи, школа для заводских детей, а потом на средства Мамина была построена гимназия.

Образованность, авторитет талантливого инженера,

природный ум, высокие человеческие качества побудили общественность Балакова, несмотря на незнатное происхождение И. В. Мамина, избрать его городским головой.

Мать свою, Агафию Михайловну, Николай Мамин потерял в годовалом возрасте. Тоже волжанка, она выросла в доме хлеботорговца Стародубцева, получила хорошее образование, увлекалась музыкой, писала стихи, появлявшиеся в местной печати. Литературный дар перешел от нее к сыну.

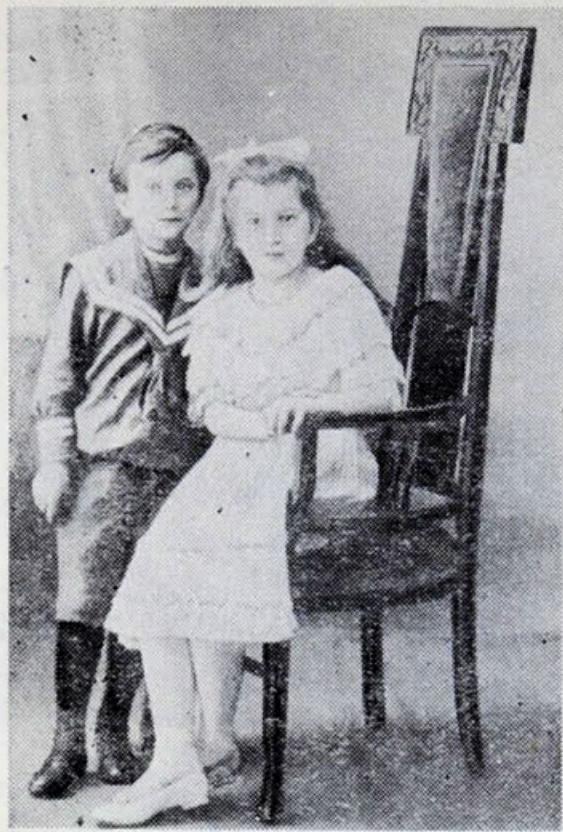
В 1915 году отец вторично женился на учительнице Лидии Ивановне Захаровой (1896—1972). Она была начитанна и артистична, учились пению в Киевской консерватории. Отношения с пасынком, старше которого она была всего на 10 лет, сразу установились добрые. На всю жизнь сохранили они любовь и привязанность друг к другу. Мать поддерживала сына в трудные минуты, интересовалась его творчеством.

Воспитанием Коли занимались и сестры Лидии Ивановны — Серафима и Ксения, особенно последняя (обе скончались в 1982 году). Ксения Ивановна Баженова в 20 лет уже была начальницей Ба-



Мать писателя Агафия Михайловна Мамина

Отец писателя Иван Васильевич Мамин и Лидия Ивановна Захарова



Коля Мамин с сестрой Лидией
(предположительно 1913 г.)

нула летучая мышь. Так он познакомил добрую тетю Кису со своей «тайной».

Учиться отец отправил Николая в Саратовское коммерческое училище, которое пришлось тому не по душе. К счастью, оно было преобразовано в Пятую единую трудовую школу второй ступени, которую и закончил Николай в 1925 году. В Саратове же училась в гимназии старшая сестра Лидия. Жили они у бабушки — умной и добродушной крестьянки.

Шла первая мировая война. Николай Мамин вспоминал:

«Уже в ноябре 1916 года хмурые городовые соскабливали расклеенные по Саратову иллюстрированные листовки, на которых кайзер Вильгельм Гогенцоллерн крутил огромную мясорубку, а наш царь Николай с большой лопаты сыпал на нее все новые полки солдат. Вильгельм (так значилось в тексте листовки) озабоченно спрашивал: «Не хватит ли, Коля?» — Николай Романов его успокаивал: «Ничего, Вилли, у меня людей много, крути дальше...»

Эта «мясорубка» унесла и изуродовала жизни многих

лаковской гимназии и более полувека отдала педагогическому труду.

Ксения Ивановна («тетя Киса»), воспитавшая двух приемных детей, рассказывала о своем племяннике: «Мы любили и баловали этого ласкового и уступчивого ребенка. Он никогда не капризничал, был очень подвижен, любил природу. Помню его удивление, когда он узнал, что есть мыши, которые летают. — «Пойдем-ка со мной в темный сарай, ты не побоишься? — сказал он однажды. — Я тебе покажу там кое-что интересное». Долго они сидели в темноте, пока к его восхищению из угла не выпорхнула летучая мышь. Так он познакомил добрую тетю Кису со своей «тайной».

близких. В пятнадцатом году на Карпатах немецким снарядом убило дядю Ваню, брата Лидии Ивановны, ушедшего на фронт из Саратовского политехникума. Второй дядя — брат отца Леонтий — дважды пытался убежать из немецкого лагеря для пленных, за что перенес жестокие мучения... Под Львовом тиф сгубил двоюродного брата Валентина.

В Саратове Николай встретил весть о победе Октябрьской революции.

Вместе с товарищами он работает в органах школьного самоуправления, зачитывается политической литературой, посещает комсомольские собрания, выступает с докладами. Однако подать заявление в комсомол не решается, опасаясь, что не примут из-за «непролетарского происхождения». По той же причине он не поступил в вуз. Больше всего привлекали его гуманитарные науки. Завидовал выходцам из рабочих и крестьян, которых охотно принимали: в то время был курс на создание интеллигенции из народа.

Примерно с осени 1927 года Николай Мамин начал писать стихи. Однажды в Союзе поэтов, собравшихся в Доме Герцена на Тверском бульваре, выступали Павел Васильев, Владимир Державин и Анатолий Розенфарб. «Уже началось чтение, когда в дверях показался среднего роста длиннорукий, улыбающийся парень в кубанке, серых брюках, заправленных в сапоги, и потертой кожанке. Когда выступления кончились, он подошел к нам, сунул руку и сказал: «Мамин», — так в разговоре с автором вспоминал А. О. Розенфарб, который в те годы был студентом ВХУТЕМАСа, а в последствии преподавателем литературы, музыкантом и художником, свою первую встречу с ним. У Николая началась дружба с Тохой, так он называл Анатолий Осиповича. Они постоянно были вместе, читая друг другу: один — стихи, другой — роман.

Память о героической Волге, любовь к морю, встречи с участниками гражданской войны, знакомство в Доме Герцена с военным моряком Вячеславом Каревым определили в феврале 1928 года решение Мамина пойти добровольцем на Красный флот. Еще четырнадцатилетним пареньком он убегал на фронт, но был возвращен домой. Боясь, что не возьмут, он добился в Москве приема у К. Е. Ворошилова. Когда юноша рассказал о своем давнем желании, маршал ответил: «Если вы и дальше буде-

те таким настойчивым, то станете адмиралом» — и дал распоряжение о зачислении. Николай попадает в отделение строевых старшин Артиллерийской школы Учебного отряда морских сил Балтийского моря (МСБМ). Как и герой его повести «Девятая категория», в училище он понял, что «флотская служба — это не только синий ворот форменки, голая грудь, лихость, готовность переносить любые лишения да долгие плавания в штормовые южные синие-синие моря, а и усложненная всевозможными техническими прикладными знаниями полусотня профессий, машина, управлять которой могут только специалисты».

Хотелось попасть непременно в плавсостав, а не в береговую оборону, чтобы больше увидеть, активнее участвовать в краснофлотской жизни. С этим намерением Мамин пришел в Адмиралтейство к писателю Всеволоду Вишневскому и «просил протекции» у командира Учебного отряда МСБМ Ф. С. Аверочкина, которого в детстве видел рядом с легендарным Маркиным.

Службу на флоте Мамин начал учеником Артиллерийской школы, был старшиной, старшиной-сверхсрочником и несколько раз призывался как командир запаса.

До Балтики Николай успел поработать грузоотправщиком, лаборантом, слесарем, сторожем. И морская служба не пугала. Наоборот, он с энтузиазмом изучал парусное и шлюпочное дело, корабельные машины. Постигая морскую науку, юноша завороженно следил за пенным следом, выющимся из-под кормы, за полетом чаек и огнями встречных маяков. Урывками слагал стихи.

Над Кронштадтом поднимались сигнальная вышка и мачта бывшего Итальянского дворца, впоследствии Морского корпуса и Штурманского училища. После революции во дворце разместились Штаб флота и Дом Красной Армии и Флота. В нижнем этаже, где всегда было шумно и весело, помещалась редакция газеты «Красный Балтийский Флот» («КБФ»). Газета рассказывала о работе краснофлотской литгруппы, выпускала воскресные листицы, объявляла конкурсы. Переступил однажды порог редакции и Николай Мамин, и с тех пор стал постоянным сотрудником. 25 декабря 1928 года в газете появилось первое стихотворение «члена краснофлотской литгруппы» Н. Мамина — «Баллада о перчатке». Однако свой «литературный стаж» он исчислял с 1930, или даже с 1932, когда, демобилизовавшись, стал писать очерки, рассказы, повести.



Сестра писателя Галина Ивановна Мамина у дома отца в Балакове 14 марта 1976 г.

Во флотской газете в середине 20-х годов печатались люди, недавно снявшие или еще не успевшие снять синие кители и черные флотские бушлаты. В марте 1919 года VIII съезд РКП(б) в резолюции «О партийной советской печати» указывал на то, что «сугубое внимание печать должна обращать на жизнь армии, как на фронте, так и в тылу». Выполнению этой задачи стремились содействовать своими произведениями прозаики Всеволод Вишневский («Первая Конная», «Последний решительный»), Леонид Соболев (морские рассказы, «Капитальный ремонт»), Адам Дмитриев («Есть — вести корабль!»), Сергей Кол-

басьев («Поворот все вдруг»), Геннадий Фиш («Падение Кимас-озера»), Николай Мамин («Якобинцы»), поэты Николай Тихонов, Александр Прокофьев, Вячеслав Азаров, Александр Гитович, Николай Браун и многие другие. Книга поднимала политический и культурный уровень красноармейцев и моряков. Необычайный размах принял литературное движение в армии и на флоте. Творческой работой среди моряков руководило непосредственно Политуправление флота.

В начале 30-х годов возникает мощная творческая организация ЛОКАФ — Литературное объединение Красной Армии и Флота. В 1931—1932 годах выходил журнал «ЛОКАФ» (впоследствии «Знамя»), в котором преобладала оборонная тематика. Членами ЛОКАФа были более 120 московских и ленинградских писателей (в Центральный Совет входили М. Горький, Д. Бедный, А. Серафимович, А. Фадеев, Ф. Гладков), в него влилось также более двух с половиной тысяч красноармейцев, краснофлотцев, командиров, военных корреспондентов, членов литературных кружков.

В 1930—1933 годах Мамин входил в Совет Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФа, оргсекретарем которого был Леонид Соболев, а в 1933—1936 годах — в правление Ленинградского объединения молодежной литературы. Состоял Мамин и в Ленинградском отделении Ассоциации пролетарских писателей.

ЛОКАФ дал советской литературе много замечательных имен. Леонид Соболев считал, что его роман «Капитальный ремонт» появился только благодаря этому объединению.

В комнате с длинным столом на третьем этаже кронштадтского Дома культуры Армии и Флота по средам проходили горячие собрания литгруппы Балтфлота. Первыми критиками на них были Николай Свирин, Лев Левин, Иосиф Ликстанов (Кодан), Раиса Мессер. Читались и обсуждались новые произведения, часто вспыхивали споры и дискуссии о творческом методе, актуальных проблемах литературы, подвергались критике враждебные течения в искусстве.

В предисловии к роману Л. Соболева «Капитальный ремонт», переизданному в 1967 году Красноярским книжным издательством, Мамин вспоминает об этом времени. Леонид Соболев был душой этих «молодежных сборищ».

Приходили Борис Лавренев, Юрий Либединский. 30 января 1930 года занятием руководил А. Фадеев.

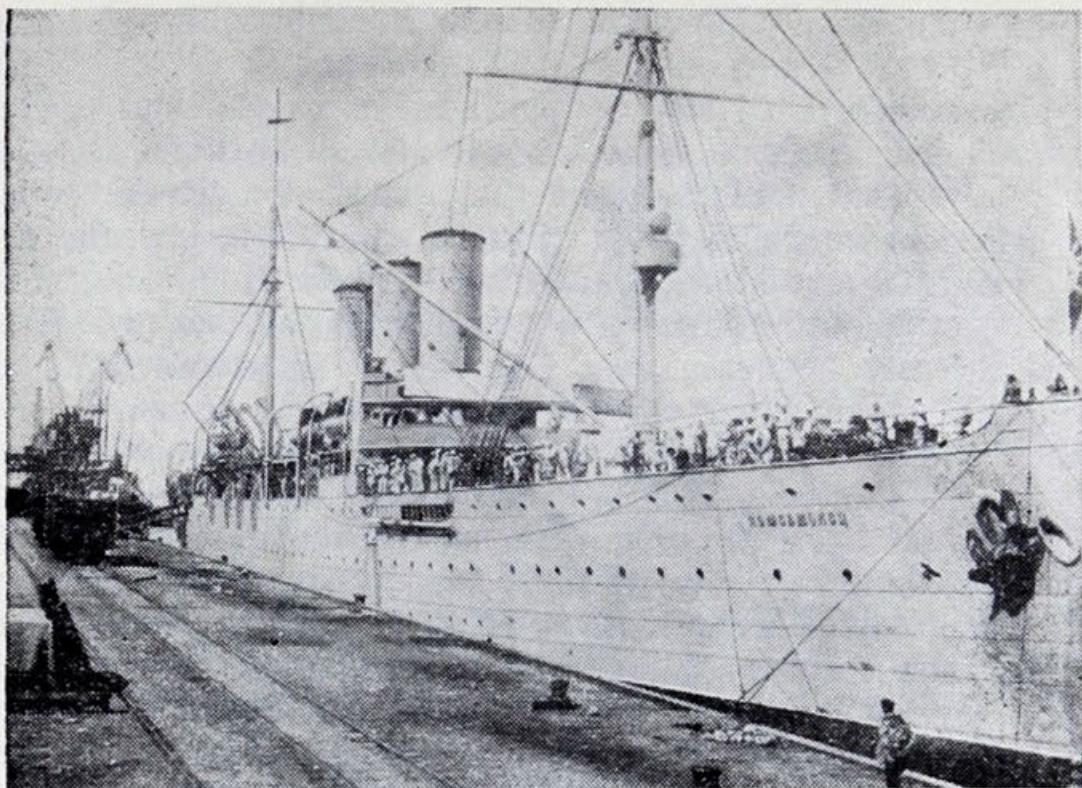
Запомнилось бурное собрание в ленинградском Доме литераторов, посвященное обсуждению десяти первых книг молодых ленинградских писателей, опубликованных за два года перед Первым съездом советских писателей.

«В улье начинающих поэтов, — пишет Н. Мамин, — и уже признанных критиков и романистов матово поблескивала желтая кожанка Оли Берггольц, мелькали еще совсем не поредевшие светлые вихры Петра Капицы, светился почти апостольский лоб Ивана Дмитриченко, как всегда спорящего с худым и нервным Иваном Уксусовым, а Геннадий Фиш и Борис Соловьев были неразлучны как братья-близнецы». О друзьях-локофовцах он говорит: «Более демократичной, дружной и жаждущей учиться литературной семьи я больше нигде и никогда не встречал. Часто думаешь сейчас, в чем корни этой спайки? Вероятно, над всеми нами еще очень тяготели общие для всех в Красном Флоте законы корабельной дружбы и те самые «Правила совместного плавания», которые на флоте имели уставную силу».

Дела и успехи друзей-моряков он близко принимал к сердцу. 28 октября 1930 года, как сообщала флотская газета, вместе с Зельцером, Петровским и Паллоном он принял горячее участие в обсуждении новой пьесы Все-волода Вишневского «Последний решительный», оценив ее большое политическое и мобилизующее значение. Уже тогда Мамин охотно делился своим, хотя и небольшим, творческим опытом с начинающими авторами, беседовал с ними, отвечал на письма. Его несколько писем-советов сохранилось в фонде ЛОКАФа в рукописном отделе Института русской литературы.

«Я знала Николая Ивановича с начала 30-х годов в литгруппе ПУБалта в Кронштадте, где я была руководителем в течение трех лет, — писала 18 февраля 1980 года автору книги Раиса Мессер. — Человек он был очень импульсивный, порывистый. Много и активно выступал, многим увлекался. Потом мы общались в Ленинградском отделении ЛОКАФа... Первые его литературные опыты были встречены сочувственно».

О литературной юности писателю напоминали книги друзей, подаренные ему в разные годы — «Капитальный ремонт» Леонида Соболева, повесть Адама Дмитриева «Адмирал Макаров», двухтомник Ольги Берггольц...



Это первое судно — «Комсомолец», на котором служил Николай Мамин. Фото 1928 г.

В просторной ленинградской комнате Мамина с большим венецианским окном все напоминало об его морской профессии: карта Балтийского моря над столом, катерный флаг с «Авроры», артиллерийский патрон, служивший чернильным прибором... Время строевого старшины и помощника вахтенного командира большей частью проходило на судне, в плаваниях. Так, в 1930—1934 годах он побывал в странах Прибалтики, Скандинавии. В море, с товарищами по кораблю, он чувствовал себя в своей стихии. Это и давало ему материал для творчества.

В 4-м выпуске ленинградского журнала «Залп» за 1930 год под рубрикой «У писателей-моряков», где сообщалось о творческих планах Всев. Вишневского и Л. Соболева, были и такие строки: «Н. Мамин ушел на «Авроре» в заграничный поход и будет писать серию очерков и стихотворений о новом походе в условиях встреч с фашизирующейся Европой».

В 1933 году Ленинградское отделение издательства «Художественная литература» выпустило сборник его рассказов «Якобинцы», а в следующем он был принят в Союз писателей СССР. Впереди были новые книги.

Мамина знают гораздо больше как прозаика, нежели поэта. Между тем наряду с Иосифом Бабунасом, Феоктистом Зуйковым, Вильгельмом Ильстером, Павлом Огурцовским и другими сотрудниками журналов «Локаф» и «Залп», он принадлежал к зacinателям маринистской (морской) поэзии.

Начало творческого пути Мамина падает на период бурного социалистического строительства — возводились Днепрогэс, Магнитка, Сталинградский тракторный, Комсомольск... Но уже «тянуло порохом от всех границ». Поэтому укрепление обороноспособности страны оставалось первоочередной задачей. Молодой автор во всем, что он писал в эти годы, проявил себя, как гражданин и патриот. Особенno его влекла героическая тема, которая наиболее эмоционально могла быть выражена в поэзии. Недаром в статье о Советской Армии «Спасибо тебе, родная!» (1968 г.) Мамин характеризует то славное время так: «Это вооружается Революция, которая не сдается и потому победит на всех фронтах. И об этом можно говорить только стихами». И еще: «...В ранней молодости, когда каждый человек — поэт, независимо от качества сочиненного, писал стихи и я».

Героика борьбы, прославление подвига звучали в большинстве поэтических произведений Мамина: в «Балладах» о перчатке и о боцманмате, в стихотворениях «Оней», «Аврора», «80 строк без названия», «Наследство», в поэмах «Эсминец «Керчь», «Сказание о пушкаре Петре» и других.

В те суровые дни тема гражданской войны отнюдь не была лишь историей. Она воспитывала любовь к Родине, готовность защищать ее в предстоящих боях. Мамин посвятил гражданской войне уже самое первое свое поэтическое произведение — «Балладу о перчатке». Жанр баллады был тогда очень популярен, их создавали Эдуард Багрицкий, Михаил Светлов, Николай Тихонов, Иосиф Уткин... Мамин посвятил свою первую балладу матерям сыновей, добровольцами ушедших на фронт, предпослав стихотворению эпиграф: «Среди экспонатов Музея Армии и Флота есть «перчатка» из человеческой кожи, снятая белыми на Уральском фронте с руки живого красноармейца». Этот трагический эпизод стал содержанием баллады.

Следуя традициям автора «Левого марша», Мамин заявляет, что ему не до того, чтобы писать «про замшу на

запястьях милой», он сторонник поэзии гражданственной. Традиции Владимира Маяковского оказались и в сравнении поэзии с оружием:

И в конус пули ляжет наша месть,
А ритм стихов мы в пулеметы вложим.

Поэт думает, стремится разгадать, кто был замученный человек: доброволец, коммунист, моряк, партизан? Быть может, он «шел на диктатора Сибири», был ранен и захвачен в плен. Рядом с ним возникает образ матери героя, оплакивающей его где-то «под Тулой иль Луганском». Автору хотелось бы рассказать ей о мужестве сына, чтобы она гордилась им.

Задолго до публикации баллада читалась товарищам-лодкафовцам, кропотливо и требовательно разбиравшим ее.

«Припоминается май 1928 года. Комната литературной группы в 1-м Кронштадтском доме Красного Флота, полтора-два десятка энтузиастов этой группы и среди них первый ее энтузиаст — Николай Мамин в рабочей краенофлотской робе, читающий свою «Балладу о перчатке», — писала Раиса Мессер.

Несмотря на риторику, декларативность, стилистические и иные промахи, эта баллада остается одним из самых сильных поэтических произведений Мамина. Героический пафос, преклонение перед мужеством борцов, умеющих не только жить, но и умирать достойно, не может не волновать и нынешнего читателя.

В творчестве Мамина 30-х годов уже более значительное место занимает флотская жизнь. По словам критика П. Березова, на эту тематику Мамин «переключается легко, свободно, повинуясь не только социальному заказу, но и лично-внутренним побуждениям».

К его лучшим произведениям о флоте относится «Баллада о боцманмате», опубликованная на литстранице «Красного Балтийского Флота» 6 июля 1930 года. В ней повествуется, как еще до революции матрос с «Авроры» Андрей попадает в таверну «Ночной Вавилон». Совершив дисциплинарный проступок, Андрей опасается вернуться на корабль: «И петля на рее готовится нам, Ведь нас не простил господин лейтенант». Время идет: «с восьми ты уже дезертир». В «Ночном Вавилоне» появляется патруль. Рулевой боцманмат замечает в углу голубой ворот-

ник Андрея. Много дорог они проплыли вместе. Боцманмат обращается к нему: «Так вот что, Андрюша, смываясь, браток». Жалея парня он его отпускает.

Прошло «одиннадцать весен»... Вспыхивает контрреволюционный кронштадтский мятеж, в котором оказывается замешанным Андрей. Его должен судить тот самый боцманмат — теперь председатель революционного трибунала. Мучительны его переживания. Мысленно он обращается к бывшему другу-ровеснику (по-флотски «годочку»):

Товарищ, товарищ, ведь из-за тебя
Уграблено столько хороших ребят...
Легли в балахонах на плоский залив,
Рубинными брызгами снег просолив,
Забывши про съезды, про школы, про штаб,
Чтоб поднял вверх руки упрямый Кронштадт.

Чекист не спал всю ночь. Виновность друга была несомненна.

На утро седая прибавилась прядь...
Годочка Андрюшу пришлось расстрелять.

Финал знаменует победу революционного долга. Тяжелую вину перед Отечеством рабочих и крестьян простить невозможно.

Оценивая балладу обозреватель журнала «Залп» писал, что из массы краснофлотских писателей «заметно выделяется Н. Мамин, пришедший во флот добровольцем два—три года тому назад и сейчас плавающий на «Авроре». У Мамина образный, сильный, волнующий склад стихотворения. Его «Баллада о боцманмате» — вещь безусловно обличающая дарование, которое надо поднимать и развивать».

«Баллада о боцманмате» знаменовала переход от поверхностной революционной романтики к романтике реалистической.

С флотом связаны и «80 строк без названия», посвященные локафовцу Адаму Дмитриеву и напечатанные в газете Балтфлота 16 марта 1930 года.

Рядом с легендарным лейтенантом Шмидтом мы видим здесь и других героев гражданской войны — Николая Маркина и Василия Чапаева. Об их трагической гибели и бессмертии автор сказал сильно и своеобразно:

Осенняя ночь — неплохой драматург,
Герои — без лавров и миры...
Встал Маркин на мостики с пулей во рту,
Встает изрешеченный Шмидт.
И входит Чапаев... И сразу вспылил
Бедовый комдив Двадцать пять —
Шарахнулись с плеч его тени былин,
И сумрак кидается вспять.

В поэзию Мамина полноправно вошел его флотский ровесник, вошла Балтика с ее славным революционным прошлым, с героями, утверждавшими Советскую власть на Дону, Украине, в Белоруссии. В стихотворении «Оней» (1929 г.) автор называет «туманную Балтику» своей любимой, восхищается облитыми предвечерним пламенем кронштадтскими улицами, на которых, «как темные колонны», выстроились ряды балтийцев. И чудится, что над нынешним городом носятся воспоминания о «матросском шкале», звеневшем оружием на старой Якорной улице, об «угробленных под Ямбургом» участниках революционных митингов. В концовке звучит предупреждение воинственному «британскому льву» — помнить «расцененный легендами Кронштадт».

Стихотворение «Аврора» (1929 г.) — признание в любви к легендарному кораблю:

На рейде, там, где звон волны,
В кругах мазута, в керосине,
Встал профиль дочери войны,
Седой матросской героини.
За залп по Зимнему дворцу,
За флаг, не спущенный в Цусиме,
Мы чтим, как женскую красу,
Твое языческое имя.

Военной теме посвящены напечатанные там же в 1929—1930 годах стихи «Песня о противогазе», «Повторенный строй», «Железяков» другие.

В начале 30-х годов Маминым была создана большая поэма о кронштадтских моряках «Субмарина его величества». Из четырех ее частей — «Кронштадт», «Поражение «англичанки», «Бывшим врагам» и «Восстановление «англичанки», к сожалению, опубликована была только последняя глава (журн. «Ленинград», 1932, № 2).

Как подчеркивал Всев. Азаров, «стихи его, печатавшиеся в тридцатые годы и написанные позднее, предста-

ляют несомненный интерес для молодого читателя, для тех, кто любит морскую поэзию, мечтает посвятить себя морю».

ЯКОБИНЦЫ

В начале 30-х годов наряду со стихами Мамин начал писать прозаические произведения. Проза этих лет по тематике, ведущим мотивам перекликается с его поэзией: морской быт, ученья и походы, требующие знания моря, корабельного и военного дела, и выходящие за пределы повседневности морские истории.

Большой знаток и исследователь литературы о моряках, автор книги «Советские писатели-маринисты» В. П. Вильчинский называет имя Н. Мамина среди ведущих «морских» писателей старшего поколения, рядом с А. Новиковым-Прибоем, Всев. Вишневским, Л. Соболевым, Б. Лавреневым, С. Колбасьевым, А. Дмитриевым, В. Риччиotti, И. Амурским, А. Кроном, А. Зониным, А. Штейном, В. Азаровым, А. Первентцевым².

В. П. Вильчинский подчеркивает, что эти писатели усвоили лучшие традиции реалистической русской маринистики, развитие которой связано главным образом с именем К. М. Станюковича. Историческая заслуга Станюковича «состоит прежде всего в том, что он первый перенес на палубу корабля социальные конфликты и психологические коллизии своей эпохи, раскрыл в образах матросов черты русского национального характера, решал на специфическом флотском материале общечеловеческие, животрепещущие проблемы своего времени».

Советская маринистика 30-х годов была представлена множеством имен и жанров, отличалась тесной связью с задачами времени, высокой гражданственностью.

В своем рапорте XVII съезду ВКП(б) оборонные писатели заявляли:

«...Мы сделали первые попытки показать Красную Армию сегодняшнего дня, неизмеримо выросшую технически, политически и культурно, воспитывающую бойцов и командиров нового типа...» Далее в рапорте перечисляется ряд произведений — «Клинки и тачанки» Н. Тихонова, «Пленный» С. Вашенцева, «Англичанин» Л. Соболева, «Барьеры» С. Михайлова, «Якобинцы» Н. Мамина и другие.

Сборник Мамина «Якобинцы» был посвящен 15-ле-

тию рабоче-крестьянского Красного Флота и вышел в 1933 году.

Книга написана на основе впечатлений о походе крейсера «Аврора» через Архангельск мимо берегов Скандинавии и обратно. В очерке «Обратным курсом», где в образе рассказчика угадывается сам автор, есть строки, показывающие принцип и метод его литературной работы:

«...Одно дело — взирать на поход с мостика рядом с флагманами и совсем другое — находиться на действительной военно-морской службе, стоять вахты, смотреть на все «снизу», из корабля, неся на себе больше обязанностей, чем прав и льгот. Иногда украдкой, почти нарушая требования службы и устава, вести походные записи недоконченными словами, набросками, наметкой слов, на колене или на весу в потрепанном блокнотике такого формата, чтобы он всегда умещался в боковом нагрудном кармашке...» При этом подробно перечисляются признаки походного блокнота — «замусленный, засаленный, со следами угольной пыли... непассажирский блокнот военкора».

Забегая вперед, хочется сказать, что так работал Мамин потом на протяжении всей своей жизни — жил ли он в лесной избушке, работая на лесоповале, в партизанском ли отряде в Литве, в деревне ли под Красноярском.

«Аврора», ее прекрасная революционная история всегда вызывали у Мамина чувство любви и преклонения. Она — «величавая, памятниковая, хрестоматийная» и вместе «будничная, флотская, живая». В очерке «По Маркизовым лужам» Мамин вспоминает, как впервые подростком услышал понравившееся ему имя «Аврора». А двенадцать лет спустя посчастливилось служить на ней: «Вот он, мой крейсер, заново подкрашенный, надраенный, огрузший ниже ватерлинии, словно ставший шире, шарово горит под солнцем. Сегодня он особенно хорош старинной крейсерской красотой».

В рассказе сборника «Губернаторство фиордов» нарисована живая картина корабельного быта: кто подкрашивает якорь, кто перебирает картофель. Тут и погрузка угля, и стирка, и учебно-боевая подготовка. Жизненные и персонажи — бережливый механик Матвеюк, простой и общительный политрук Ландо, всеми уважаемый за добродусть и справедливость боцман Костюченко. До Октября боцман участвовал в революционном движении моряков, позднее подавлял мятеж на форту Красная Горка.

Мастерски показана учебная тревога: ведь «Аврора» не переставала быть военным учебным кораблем:

«В ту самую минуту, когда меньше всего думали о ней, о боевой тревоге, она как раз и пришла в прыжку, вразбег, вразгон — из отсека в отсек, из палубы в палубу подмывающей, сразу кинувшей всех в движение походкой. Пошла, раскатывая шланги, задраивая за собой двери, люки и иллюминаторы. Горнист, словно застоявшегося доброго коня, бегом выводил сигнал боевой тревоги. Конь торопится ударить вскачь, пританцовывает, перебирает ногами. Хлыстом рванула и оборвала истощная тонкогорлость дудок — дневальные кинулись по боевому расписанию. Как всегда, сломя голову, загремели к ящику за ключами хозяева погребов, стали сдирать чехлы и надульники с орудий комендоры, санитары — раскладывать свой припахивающий аптечкой инструмент, из воронок переговорных труб глухо упали первые приказания и зачавкали включенные элеваторы.

— И-их! Застоялись! А н-ну, рвани ходом!»

Самым сложным в походе было соприкосновение с чуждым миром. «Без единого пятнышка, — говорится в книге, — проносили мы над Норвегией орденский флаг крейсера «Авроры»... Никогда еще чувство коллективной ответственности одного за всех и всех за одного не владело кораблем так крепко и всецело».

Советские моряки вступили в мир контрастов, противоречий. С одной стороны — родина Грига, мир Нансена, Ибсена. С другой — «страна малых дел», которыми заняты буржуазные хищники. Недаром очертания Скандинавии на карте напоминают «сгорбившегося перед прыжком зверя, держащего на своем загорбке самый северный коготок Европы — мыс Нордкап...». Блестящие витрины магазинов манят «зажежами любых товаров». Но эти магазины пустуют. По улицам бродят толпы безработных и голодающих. «Рыбацкая трудовая Норвегия» проявляет интерес и симпатию к СССР, к его частице — советскому кораблю, приход которого к этим берегам — целое событие. Автор с радостью готов протянуть им руку, ненавидя в то же время хозяев этого мира.

Такое восприятие заграницы, подчеркивает автор сборника, типично для каждого советского моряка. Дома он еще получает хлеб по карточкам и тем не менее воспринимает чужую действительность с чувством непонятного здесь превосходства. «С законной радостью вспоминаются



Разворот обложки первой книги Николая Мамина «Якобинцы» (1933 г.)

родные города Союза, на домах которых еще до сих пор пометки шрапнельных разрывов и винтовочных пуль чернеют рубцами незаживших ранений и которые тут же, на глазах, обрастают новыми пригородами рабочих поселков»...

Рассказ, давший название сборнику, открывает книгу. Моряки именуются так не просто потому, что они прописаны на корабле с именем «Якобинец». В глазах представителей старого, отживающего мира они действительно якобинцы, носители крамольных идей. Свободные граждане Страны Советов, одетые в морскую форму, воочию видят за рубежом угнетение человека, попрание его достоинства. Под маской «сохранения порядка» и «соблюдения международного этикета» буржуазное государство прячет целую систему насилий, деспотизма, провокаций.

В рассказе действие развертывается круто и напряженно, как острые схватки двух противоборствующих сил.

...В судовом лазарете умирает рулевой Коржавин. Его придется похоронить в иностранном городе, где стоит советский корабль. Это город социальных контрастов: паразитическому центру с его «враждебным великолепием» противостоят «мрачные, неприглядные» окраины с «закопчен-



Титульный лист книги Николая Мамина «Якобинцы»

ным небом». Командир «Якобинца» Алексей Калашников, человек с богатым боевым прошлым, добился у мэра разрешения похоронить Коржавина и пропустить по улицам похоронную процессию с краснофлотским караулом, в который вошло все «лучшее и самое крепкое», что было у корабля. Однако на пути траурной процессии были расставлены сети провокации. Вначале придумывались разные

препятствия: надо получить разрешение губернатора, надо пропустить автомашины с казенным грузом. Наконец, в расчете на политический скандал полицейские давят и избивают мирных жителей, женщин и детей, собравшихся проводить в последний путь советского краснофлотца. Морякам хотелось броситься в схватку с распоясавшимся вражьем, «злые слезы» стояли в глазах даже у Азаренкова, «почти мальчика». Громадного труда стоило начальнику почетного караула Платонову остановить себя и других у роковой черты.

Реакция краснофлотцев на избиение толпы не осталась незамеченной: «От лица высокого офицера медленно отошла кровь. Лицо стало бумажным.

Тридцать пар глаз били без промаха ненавистью и только ожиданием команды, знака, хоть тени разрешения в глазах начальника.

Но Платонов уже управлял собой, стал прежним — взвешивающим все и не теряющим головы...»

Эта сцена полна глубокого драматизма. Сложность обстановки и эмоциональное состояние участников переданы немногословно, но убедительно. Только политическая сознательность, мужество и выдержка помогли советским морякам одержать моральную победу в этом противоборстве.

К теме «Якобинцев» Мамин не раз обращался до выхода своей книги. Так, в 1930 году в № 29 ленинградского журнала «Стройка» был помещен очерк «Чужие флаги», созданный под впечатлением заграничного похода, во время которого умирает на чужбине краснофлотец, носящий здесь фамилию Ковригин.

Незадолго до выхода книги в журнале «Юный пролетарий» (№ 1, 1933 г.) был напечатан другой вариант рассказа «Якобинцы» под названием «Адмиральская площадь». И в нем тоже описывается приход в норвежский порт советского судна и похороны умершего моряка. Однако обо всем этом здесь говорится вскользь, не называются фамилии умершего, командиров корабля. В центре внимания художника образ норвежского коммуниста Отто Гартвица.

Расправа фашистов с мирными жителями, провожавшими на кладбище советского рулевого. Взаимоотношения советских моряков-интернационалистов с рабочей средой одного из западно-европейских портов лежат в основе рассказа «Самозванец» (первоначальное название «Левый вывих»). Но если в «Якобинцах» по-

беждала революционная сознательность, выдержка и бдительность, то в этом произведении моряк Севка Порозов проявляет политическую незрелость. Находящийся в плену ложной романтики, он попадает на собрание готовящихся к забастовке иностранных рабочих, обманутых капиталистом Хильдензоном и соглашателем Хильсоном. Севка должен был сохранить «нейтралитет», но не смог сладить со своим порывом, вышел на трибуну и стал призывать к забастовке. Говоря от имени русской революции, он фактически вредил ее делу. Речь самозванца — повод для обвинения нашей страны в нелояльности. «Разоружить» порозовское выступление, содрать с него последнюю фальшивую позолоту геройства и красивости, потушить ореол и стащить на грешную землю, — вот задача, которую поставил коллектив и товарищи Севки и которую автор разрешает художественными средствами», — так определил основную идею рассказа критик «Знамени» И. Эвентов.

В рассказе «Логарифмическая линейка» Мамин впервые с такой любовью изображает бескрайнюю морскую стихию.

«Океан. Слово-то какое! Ведь придумают же люди слова. Вот океан. И больше ничего не скажешь, — да и сказать больше ничего невозможн...»

...Через тридцатиградусный размах кренометра, через рвоту, через кузнечные цеха в раскалывающихся головах — сотни молотков и молоточков, неустанно бьющих прямо в виски, в кровь, в череп, — через звоны в ушах и непомерную тяжесть участившихся вахт (сорок человек из каждой сотни были «выбиты» штурмом), все же на семь восьмых молодежный по своему составу корабль проносил над разорванными голубыми пузырями медуз, над птичьими лапками водорослей, над сумятицей волн свое крамольное под этими широтами и гордое имя. Это вооруженный комсомол, широко и плотно расставив ноги на мостиках, у орудий и в колодцах кочегарок, шел знакомиться с океаном. Океан! Слово-то какое!»

В этом отрывке, напоминающем стихотворение в прозе, звучит восхищение автора необъятностью и красотой океана.

В напряженных и острых ситуациях раскрывается стойкость наших моряков, их верность революционному долгу.

Посвятив свою книгу жизни военных моряков, Мамин

правдиво показал их беззаветную любовь к морю и кораблю и те качества, которые Л. Соболев включал в понятие «морской души» — отвагу, стойкость, презрение к смерти, ненависть к врагу, флотскую спайку.

За короткое время появилось несколько серьезных критических статей о сборнике. В журнале «Залп» выступила Мессер (1933, № 6), в «Знамени» — И. Эвентов (1933, № 7) и П. Березов (1934, № 3), в «Юном пролетарии» — Л. Вересов (1933, № 11). Рецензенты отмечали большое познавательное значение «Якобинцев». Эвентов в статье «Рассказы высокого напряжения» назвал их «военно-морской художественной энциклопедией»: «Вводя сперва читателя в курс элементарных вопросов морской службы («По Маркизовым лужам»), автор тащит его затем вдоль всего Скандинавского побережья, знакомит его с географическими и государственно-историческими особенностями этого с виду тихого уголка Европы; проносит перед читателем вереницы морских легенд и замечательных фактов из истории мореплавания, бросает множество пестрых литературных аналогий, делает множество научно-исторических экскурсов. Это все обогащает и заинтересовывает читателя».

Книга Мамина была воспринята как книга молодежная, служащая военно-патриотическому воспитанию. Критик журнала «Юный пролетарий» Леонид Вересов писал: «Эту книгу никак не обойдешь молчанием. В советской литературе до сих пор еще художественный показ морских сил Союза ограничивается двумя-тремя книгами. Уже это само по себе должно вызвать интерес к «Якобинцам».

Сумев ярко показать пафос освоения новой техники, автор «Якобинцев» вскрыл четко классовое значение военной подготовки, как подготовки к будущим классовым боям.

В этом основная и большая заслуга Н. Мамина, сумевшего найти для показа нашего флота огромный запас теплоты, насыщающий его образное, меткое слово.

Писатель Юрий Либединский отмечал: «Интерес этой книжки в том, что на материале Красного флота поднята огромная проблема большевистской этики...»³.

«...Благодаря заострению сюжетных коллизий, Мамину удалось создать яркие образы Платонова, Севки, Семена Вятича, Иващенко», — подчеркивал в статье «Героика краснофлотских будней» П. Березов⁴.

Об актуальности «Якобинцев», их оптимистическом тоне писала Раиса Мессер. «Именно это лирическое освоение краснофлотской тематики позволяет принципиально оценить высокое значение этой книги в оборонной литературе». Поход флота изображается в ней «не в раздуто-парадных словесениях, а в натуральную величину, изнутри». Это позволило создать «подлинно драматические конфликты», подняться «до коренного понимания всех атрибутов социалистического сознания, которое несет в себе советский военный корабль», противостоящий в учебном походе капиталистической Европе. «Это чрезвычайно ясная, бодрая, веселая книга. В ней ключом бьет жаждность познания мира и активного вмешательства в его социалистическое переустройство»⁵.

Естественно, что в сборнике не обошлось без недочетов. Недостаточно емко подается материал, кое-где растянут. Автор назойливо повторяет понравившиеся ему сравнения, порой злоупотребляет специальной терминологией и вульгаризмами матросской лексики.

К «Якобинцам» по тематике примыкают последовавшие за сборником рассказы о героике краснофлотских будней — «Гидра», «Гости», «Торпеда». Вот что писал П. Березов в статье «Героика краснофлотских будней»:

«...В своих последних рассказах молодой писатель развивает лучшие качества своих более ранних произведений. В частности, он все с большим успехом овладевает мастерством сюжета, которого так не хватает многим советским писателям. Мамин умеет показать жизнь в плане острых конфликтов, в плане столкновения полярных, противоречивых явлений». Вместе с тем критик советовал не увлекаться исключительными сюжетными ситуациями, брать «более типичные явления из повседневной жизни, которая красочна и содержательна сама по себе...» П. Березов отмечал и другие достоинства: «...Уже нет того словесного шлака, той литературщины, которая так засоряла его ранние стихи, очерки и рассказы. Для раскрытия своих творческих замыслов он находит теперь более простые и вместе с тем более выразительные средства».

Круто завязывается и динамично развертывается сюжет рассказа «Гидра» («Залп», 1933, № 6);

«...В кружочке бинокля возникает самолет, принятый за наш. Полагая, что ему может понадобиться помочь, вахтенный начальник направляет к мысу, где он сел на воду, строевого старшину Никиту Сионцева на катере

«Скорпион». На наших моряков нацеливается дуло зенитного пулемета вражеской машины. Моряки катера «Скорпион», на котором была лишь одна мелкокалиберная винтовка, решили брать «гидру» на таран. Но она спасовала перед советским катером, вооруженным прежде всего бесстрашием и дерзкой смелостью, снялась с места и скрылась. Стало так тихо, что «можно было подслушать неровный ход собственного сердца...» Сионцев просит у товарищей закурить, и к нему сразу тянутся три руки... О таком «неравном турнире» людей, безгранично преданных Родине, живущих по законам морской дружбы, как говорит автор, «потом станут слагать стихи и петь песни... независимо от того, вышел ты из этого поединка невредимым или тебя вынесли мертвым...»

В том же, 1933 году в одиннадцатой книжке «Знамени» опубликован рассказ «Торпеда», близкий по теме к «Гидре». Подвиг возможен и во время морских будней. Идет учебная стрельба на четырехтрубном эскадренном миноносце. Из-за неисправности внутреннего механизма одна из выпущенных учебных торпед изменяет намеченное направление и попадает в моторный катер. Команда ведет себя в эту трудную минуту спокойно и разумно, думая лишь о спасении катера. Моторист Семен Иващенко — «один из наиболее ярких и правдивых литературных образов героя краснофлотских будней» (П. Березов), проявляет высокое сознание и выдержку, несмотря на тяжелое ранение (отбиты обе ноги), выключает зажигание в моторе и предотвращает взрыв. «Цел мотор, цел!» — радуется он. И хотя деревянное суденышко было «ранено насмерть», его сердце — мотор — было спасено. Главный артиллерийский старшина Зубарев приказывает раздеться, надеть спасательные пояса. Иващенко держался на воде с помощью доски. Над катером сомкнулся залив... Но через какое-то время судно было поднято и возвращено в строй.

(Подобная история, едва не стоившая жизни мотористу эсминца «Яков Свердлов» Ивацко, рассказана Маминым в повести «Девятая категория», где герой переименован в Иващенко).

О славных делах морской пограничной охраны, которая повстречалась с иностранными рабочими-перебежчиками, повествуется в рассказе «Гости» («Знамя», 1933, № 8).

С «Логарифмической линейкой» (сборник «Якобин-

цы») перекликается повесть «Валюта», имеющая подзаголовок «корабельные записи» («Звезда», 1934, № 12).

Итак, в начале 30-х годов Мамина неизменно называли среди ведущих оборонных и лучших молодежных писателей Ленинграда. Он сотрудничал в «Звезде», «Резце», «Юном пролетарии», но особенно крепкой была его связь с оборонным журналом «Знамя» (бывший «Залп»).

Сюда он впервые пришел в конце 20-х годов. Менее чем за год «Знамя» дало две статьи о нем. Просматривая в Центральном госархиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) фонд этого журнала, встречаешь письма и телеграммы от членов редакции А. Тарасенкова, С. Ващенцева, которые просили у Мамина рассказы, очерки, терпеливо ждали, если автор запаздывал. Обычно объем его произведений был больше журнальных возможностей. «Место мы как-нибудь потесним для тебя и в следующих номерах», — писали они ему о рассказе «Валюта» в декабре 1933 года, считая рассказ «очень важным и интересным», «нужным» для журнала⁶.

На 1934 год «Знамя» планировало его повести «Большой банкет» и «Камуфляжных дел мастер», на 1936 — «Погон российский».

Нельзя не упомянуть рассказ «Большая корректура» («Резец», июль 1934 года) и повесть «Девятая категория» (ленинградский сборник того же года «Воспитание комсомолом»). В первом рассказе главная роль принадлежит старшему штурману Ивану Дмитриевичу, очень «сдержанному и чуткому старомодному» человеку. В 39-й раз ведет он корабли по проливам — почти речным закоулкам — и, отлично зная берега, обходится без лоции и без лоцманов-проводатых, которым надо платить втридорога валютой. «Дед стоял на мостице так же прочно, как и привинченные к палубе навигационные приборы». Путь корабля подходил к концу. И вдруг старику чудится, что он впервые допустил промашку: не показывается привычный ориентир на берегу — замок Хорнгольм. Штурман «почувствовал свое немолодое сердце», поблек, помрачнел. Но курс был верен. Когда пристали у чужого берега, Иван Дмитриевич спросил по-английски у капитана местного рыболовного тральщика, что же произошло. Иностранец, сочувствующий Советской стране, приписывает случившееся ее влиянию («несомненно, ваша работа»). А события произошли такие. Вспыхнуло восстание. Мятежники («кажется, даже с женами и детьми») заперлись в зам-

ке. Трижды войска напрасно старались взять их штурмом, затем начали бить, «как под Верденом — фугасными с замедленным разрывом». И не осталось от моряцких «примет» — замка и колокольни святого Олафа возле него — камня на камне. И если первоначально советский штурман назвал поправку, вызванную исчезновением замка и кирки, «малой корректурой», то после разговора с чужеземцем он решительно сказал: «...Такая корректура уже, несомненно, может называться большой». Главная мысль произведения — на карту планеты вносятся существенные коррективы, народы неспокойны, они не хотят жить постарому.

Сборник «Воспитание комсомолом» посвящался XVII съезду партии и славным делам комсомольцев, защищавших Советскую власть, а потом ставших кадровыми военными, либо инженерами, учеными. Среди биографий этих героев — документальная повесть Мамина «Девятая категория» о Николае Саранцеве, чей жизненный путь был типичен для той эпохи и близок автору.

Разойдясь с отцом — буржуазным интеллигентом, Саранцев приехал в Ленинградское военно-морское училище с маленьким сундучком и комсомольской путевкой в кармане, подписанной секретарем Вольского укома — будущим писателем Федором Панферовым. Неустанное стремление к знаниям и мастерству помогли Саранцеву стать вначале старшим помощником, а затем и командиром эсминца «Яков Свердлов».

В июле-августе 1935 года Мамин писал члену редакции «Знамени» С. Ващенцову по поводу своей новой повести — «Погон российский». Хотя эта вещь была «захрахтovана» «Звездой», ему хотелось пристроить ее в «Знамени». Ленинградцы ценили этот журнал, как один из немногих журналов, имеющих собственное направление и не боящихся острых вопросов. Сохранились письма Мамина об этом произведении к Всеев. Вишневскому, мнение которого крайне интересовало автора. Он рассчитывал страниц на двести, но «в процессе работы и всяческого бескомпасного плавания»⁷ очень растянул.

Еще до этих переговоров отрывки из повести печатались в ленинградском журнале «Резец». В № 11 за июнь 1934 года был помещен, как указывалось в примечании, «отрывок из повести «Дракон» под названием «Погон российский» (последнее название закрепилось за всей вещью).

Но помимо напечатанных в журнале «Резец» отрывков, об этом произведении ничего неизвестно.

К середине 30-х годов Мамин прочно вошел в плеяду прозаиков-маринистов. Он воспринимался читателями и критикой как растущий талантливый художник, досконально знающий изображаемую действительность, стоящий на позициях социалистического реализма.

В изображении Мамина краснофлотская повседневность содержательна и многокрасочна. Его герои — советские моряки — обладают высоким социалистическим сознанием, которое делает их увереннее и дальновиднее.

Как подчеркивал критик П. Березов, «Мамин с каждым новым рассказом продвигался вперед на ответственнейшем участке оборонно-литературного фронта. Проникнутое социалистическим оптимизмом, его творчество способствовало еще более высокому подъему ударных темпов боевой подготовки, привлекало внимание трудящихся к вопросам обороны».

* * *

Обстоятельства сложились так, что первая книга Мамина «Якобинцы» стала его единственной опубликованной книгой на протяжении более чем двадцати лет.

По не зависящим от него обстоятельствам писатель вынужден был в конце 1936 года оставить Ленинград и жить в Кomi АССР.

В апреле 1946 года он обосновался в районном поселке Камешково Владимировской области, где оформился рабочим техснаба на текстильной фабрике, затем сторожем военного госпиталя во Владимире. Отсюда он наезжал в Москву, восстанавливая литературные связи. В конце 1945 года Мамин пишет книгу о кронштадском мятеже 1921 года — «Русское море». Материал для нее собирался чуть ли не семь лет, но книга издана не была. Только в журнале Политуправления морских сил «Вымпел» изредка печатались его небольшие рассказы на флотские темы, подписанные псевдонимом Н. Ропчин — от названия станции Ропча в Кomi АССР, где он одно время жил.

Лето 1947 года и весна-осень следующего проходят в Литве, куда Мамин переезжает по семейным обстоятельствам. Друзья настойчиво советовали писать об этом крае, где только что начала складываться новая жизнь, проводилась коллективизация. Старый мир отчаянно сопротивлял-

ся. Всех потрясла жестокая расправа буржуазно-националистских бандитов с тремя советскими воинами, среди которых находился раненый лейтенант Персиянов. Чтобы не сдаваться, он выпустил последнюю пулю себе в висок. Образ героя взорвал Мамина, который с оружием в руках участвовал в уничтожении бандитов, прятавшихся в лесах. Долгое время ему виделись в тревожных снах горящие литовские хутора, лесные перестрелки...

О тех неспокойных днях он написал повесть «Пуша», которая, к сожалению, не была опубликована.

ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОЙНЫ

Последние девятнадцать лет жизни Мамина связаны с Сибирью. В 1949 году судьба забросила его в Приангарье. Жизнь в северном поселке Мотыгино сблизила его с енисейскими и ангарскими речниками, плотогонами, горняками, шоферами нелегких северных трасс. Он работал рядом с ними — был и лесорубом, и речником, и разведчиком богатейших сибирских недр. И какие бы жизненные испытания ни выпадали на долю Мамина, он не переставал писать. Так, в это время он работал над повестями «Золотишко» (переименована затем в «Город лесного моря»), «Дом родной», «Партзадание», «Мастерство». Все они были посвящены труду ангарских золотодобытчиков, мастеров лесного дела, водителей лесовозов, геологов, советских и партийных работников. Они послужили заготовками, вариантами для его будущих произведений: «Законов совместного плавания», «Крохальского серпантин» и других.

Эти произведения, еще до того, как они передавались издастельству, Мамин любил читать в кругу своих друзей, которых у него всегда было много среди партийных работников, геологов, журналистов, учителей. Вот характерный эпизод из его жизни в Мотыгине, о котором рассказывает преподаватель мотыгинской средней школы, ныне заслуженный учитель РСФСР Веза Павлович Антонен:

«С Н. И. Маминым меня познакомил Иван Семенович Феррапонтов, заведующий парткабинетом райкома партии, страстный книголюб. Внешне Николай Иванович был совершенно лишен даже малейшей интеллигентской холено-сти, не говоря уже о «маститости» или каких-то призна-

ках «писательского» облика. Но чем-то он сразу запомнился.

Среднего роста, худощавый, с коротко остриженными темно-русыми волосами, зачесанными небрежно справа налево (не как у всех). Темные усы с рыжим отливом как-то выделялись. Никаких особых притязаний в одежде, даже с галстуком я его не видел. Обыкновенный рабочий (лучше сказать, работяга) среднего достатка. Мотыгинцы тех лет запомнили его таким скромным, даже стеснительным.

Очень подвижный, энергичный, он как-то сразу заполнял собой комнату. Уже с порога после громкого «Здравствуйте!», почти без предисловий начинал разговор по существу дела, с которым явился. Говорил громко, азартно, горячо, чуть глуховатым голосом. И был у него характерный выговор, немного напоминающий волжанина.

Как-то вечером (кажется, осенью 1957 года) встретил я Мамина с Феррапонтовым на улице. Иван Семенович говорит:

— Николай Иванович рассказ пишет. Пойдем к тебе. Он нам рукопись почтает.

Пришли. И надо же такому случиться — свет погас (что-то на электростанции случилось). Моя жена дала нам то ли свечку, то ли керосиновую лампу, не помню. В соседней комнатенке притихли дети, на кухне потихоньку, чтобы ей было слышно, копошилась с приготовлением ужина хозяйка. А Николай Иванович читал. Это не было мастерским, художественным чтением по всем, так сказать, правилам. Но чувствовалось, что написано опытной рукой и с отличным знанием материала. Вот тут только я понял, что Мамин — настоящий писатель! Читаемое нравилось не бог весть каким сюжетом, а деталями описания, оно представлялось. И читал нам Николай Иванович «Валеркину любовь».

В 1959 году Мамин переезжает в Красноярск. Жаль было расставаться с хрустально-прозрачной Ангарой и ее зелеными берегами, пахнущими пихтой, прелым листом, вяленой земляникой, с причудливой окрестной скалой Гребень, которая напоминала писателю «каменного осетра, сползающего к воде...» Но хотелось быть ближе к Красноярской писательской организации и книжному изда-тельству, где у него в это время готовилась к выходу повесть.

Он приобрел домик в «хорошей, очень русской по ви-

ду» деревеньке Лукино: вокруг горы и тайга, небольшая речка, много дичи. Завел ружье и собаку.

Писательские дела требовали частых поездок в Красноярск, и Мамин покупает мотоцикл (мотор он любил с детства). В этом не простом тогда деле помог друг по ЛОКАФу Леонид Соболев. Уезжая куда-нибудь надолго, Мамин скучал по своему «мотозверю». Водил мотоцикл очень быстро, на зависть молодым товарищам, не боясь ни мороза, ни ветра, и вел ежедневный учет «пройденных» километров. Мотоцикл помогал сберечь время и сохранить спортивную выправку. А когда ему предлагали купить автомашину — теплее и солиднее для писателя, он смеясь отвечал: «Вот состарюсь, тогда и куплю машину». А было ему уже около шестидесяти.

Через всю жизнь Мамин пронес горячую любовь к воспитавшей его Советской Армии. В одной из его последних статей есть такие слова: «И через годы хочется сказать во весь голос:

— Спасибо тебе, родимая Армия, спасибо, батюшка Военно-Морской Флот, за все то, что вы сумели дать нашей памяти и вдохнуть в наши души.

Пусть же наша служба вам, уже нестроевая, хоть бы только литераторская, останется пожизненной и верной».

Все лучшие книги Мамина — от «Якобинцев» до «Законов совместного плавания» — посвящены людям армии, служба которых проходит и на суше и на море.

В поздравлении Мамину к 50-летию Великого Октября коллектив Красноярского книжного издательства писал: «Вы с полным правом можете сказать: «Залп «Авроры» разбудил «ребяческий сон моей души». Символ красной «Авроры» прошел через все Ваши произведения, сделал их мужественными и молодыми»⁹.

Военно-патриотическая тема, начатая «Якобинцами», основным мотивом прошла через все его творчество.

Гражданская война показана в повести «Полевой цейс»*. Произведение во многом автобиографично. Действие происходит на Волге. Перед нами — трудовая интеллигентная семья, члены ее должны сделать выбор, с кем им по пути: с защищающим революционные завоевания народом или его врагами.

Повествование ведется от лица любознательного подростка Димки, который оказался в этот момент на даче у своих теток и дяди.

* Красноярское книжное издательство, 1966 г.

Образ Константина Михайловича Трубникова, или просто дяди Кости, — центральный в произведении. Это «худенький человек в очках, виолончелист по профессии». В начале империалистической войны с первого курса Петербургского политехнического института он взят в школу прапорщиков, накануне февральских событий произведен в подпоручики. Дядя Костя, несмотря на свой ум и проницательность, еще не догадывается, что «та полоса войн, в которой всем нам суждено, если и не погибнуть, то повзропеть и состариться, только началась».

На фронте его прозвали «пулеметным богом», он мог выписать свою фамилию пулями на щите. Война навечно оставила у дяди Кости память о массовом истреблении людей, наложила на лицо его печать «сумрачности», наградила окопным ревматизмом.

Автору удалось передать обаяние этого доброго, честного человека. Вернувшись в родной город Балашин, он отдает свои погоны бывшему приятелю Паисию Липнягову и хочет забыть о войне.

Но вскоре в городке, по сигналу мятежного чехословацкого корпуса военнопленных, было поднято кулацкое восстание. Дядя Костя, чтобы не участвовать в нем, решает с «защитной бумажкой медицинской комиссии Юго-Западного фронта» отсидеться на даче своей жены-учительницы. Подпоручик Трубников ненавидит и старый царизм и керенщину, сменившую «дворцовый кабак» на «всероссийский», и «всем соблазнам головокружительной карьеры в армии Самарской учредилки» предпочитает старенький дачный гамак, где он вперемежку со стихами читает научные книги. Против мятежного Балашина был направлен красный десант. Железнодорожный паром был по городку «в три огненных свистящих бича». Видя это, «пулеметный бог» одобрительно произносит, как бы обращаясь к сторонникам старого режима:

— Да-с, господа, боюсь, что такого накала вам долго не выдержать. Школа не та... Ах, четкая работа! Новобранцам так не суметь. Кадровые пушки.

Созерцающим разгром мятежников с крыши дома, куда он взобрался с полевым цейсом, Трубников был захвачен красными и «чуть не выведен в расход».

Дядю Костю приводят в штаб. Тут у него, к счастью, нашлись и друзья, и поручители. Он был определен начальником пулеметной команды. Когда молоденький красногвардеец, удивляясь мастерству, с которым Трубников

Ч28531

БАЛАКОВСКАЯ
Городская Централизованная
Библиотечная Система

вывел пулеметом свой автограф на брандмауэр, спросил, может ли он и других обучить «такому точному делу», тот ответил, что при желании и тренировке всему научиться можно, и веско добавил: «Надо только знать, за что воюешь».

Уход Трубникова с отрядом красных не кажется неожиданным, это подготовлено всей его предшествующей жизнью. Он представитель лучшей, прогрессивной части офицерства, вышедшего из трудовой интеллигенции и видящего свое призвание в служении родине и народу.

Важное место занимает в повести и образ юного рассказчика. Первая мировая война и ее участники вначале представлялись Димке и его сверстникам в героико-романтическом ореоле. Противоречивость окружающей среды, где демократические симпатии сочетались с буржуазными веяниями, противоречивость самой эпохи, когда «резкая и все ломающая грань времени» разделяла прежних друзей и родных, затрудняли правильное осмысление событий.

Поворот в сознании подростка был связан с одним эпизодом, когда Димка, может быть, еще не осознавая то, что делал, помог красным, преследовавшим противника:

«...Матросский кавалерист окликнул меня еще раз:

— Эй, пацан! Обоз-то их весь в степь ушел или как? Ты не видел?

— Обоз-то ушел, а броневик у моста остался, — не задумываясь крикнул я и вдруг почувствовал, что именно с этих, сгоряча сказанных слов, для меня началось что-то необычно новое и вовсе не похожее на то, что было за минуту до этого, и возврата к вчерашнему мне уже нет».

Димке повезло: он присутствовал в зале, где собрались разгромившие белых красноармейцы, матросы, командиры Красной Армии. Восторженно воспринимает подросток происходящее:

«Новый, необычно яркий, шумный и почему-то совсем не страшный мир омывал меня, словно теплые воды никогда не виданного южного моря, — столько было вокруг синих матросских воротников, загорелых, обветренных лиц, золота корабельных названий и якорей на ленточках. Неужели эти нарядные и веселые парни и звались в листовках Самарского комуча (комуч — комитет учредительного собрания. — А. М.) озверелой ордой большевистских наемников?»

В повести убедительно раскрыта психология тринадцатилетнего подростка, его взгляд на события часто еще

наивен, а поступки импульсивны и необдуманы. Но рано взрослое и мужало, прощаясь с детством, подрастающее поколение тех военных лет: «...Мальчишки времен Вердена и Перемышля, боев во Фландрии и под Варшавой, знали тогда все марки и типы огнестрельного оружия едва ли не лучше любого унтер-офицера срочной службы».

«Полевой цейс» — одно из лучших произведений Мамина, однако в нем чувствуется некоторая незавершенность, образы словно только намечены и не получили глубокого развития. Повесть воспринималась, как запев к будущему крупному произведению о гражданской войне, которое было задумано автором.

Тема гражданской войны присутствует и в повести «Крохальский серпантин». Один из ее героев — Георгий Гребенников рассказывает молодежи эпизод из тех огневых лет. Это случилось в Задонских степях, откуда наши части пробирались к Волге. Белые казаки не выпускали их из мертвого кольца. Многие были ранены, запасы кончались. Но красные сдаваться не хотели: лучше смерть. С пением «Интернационала», неся высокого поднятый портрет В. И. Ленина, нарисованный художником-цыганом, они прошли торжественным маршем. И это произвело на белоказаков такое впечатление, что 150 клинов присоединились к отряду, шедшему навстречу гибели...

О тех же событиях на родной Волге Мамин намеревался рассказать в задуманных, но не осуществленных им произведениях: повести «Первый директор» и романе «Судьба большой совести». (Главы романа были опубликованы в альманахе «Енисей», № 5, 1967 г.).

Работа над рассказами о военных моряках, над повестью о гражданской войне подготовила Мамина к изображению событий Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Писатель не мог принять личного участия в Великой Отечественной, но главной в своем творчестве считал военно-патриотическую тему. Мамин страстно стремился приобщиться к великим событиям священной войны своим писательским словом.

Патриотическим участием в изображении героического подвига советского народа явилось создание повести «Знамя Девятого полка».

Под этим произведением стоят даты его начала и за-



Обложка (художник М. В. Романов) книги Николая Мамина «Знамя Девятого полка», вышедшей в Москве в 1961 году

вершения — 21 декабря 1942 — январь 1958 года. Автор долго вносил отдельные поправки, учитывая мнения критиков и рецензентов.

«Знамя Девятого полка» — одна из тех книг писателя, которые сразу получили признание читателя, поэтому она много раз затем переиздавалась. В 1958 году повесть была опубликована в двухмесячнике «Енисей» и вышла отдельной книгой в Красноярском книжном издательстве. В 1961 году ее выпустил 115-тысячным тиражом Воениздат.

Действие повести начинается на семнадцатый день войны.

Моряки уезжают на фронт, оставляя родной Ленинград, близких родных и друзей.

«...Постукивают колеса стареньких вагонов, везущих Девятый сводный полк морской и армейской пехоты на фронт. Матово поблескивают в полутьме стволы винтовок, стертые буквы корабельных названий на ленточках. Где-то далеко глухо вздыхает артиллерия. Пахнет потом и волглой шинелью. Война!..

За пять дней тяжелых боев полк был обескровлен, потерял много людей, но все еще упорно оборонялся. Однако уже было ясно, что врага, который напирал и напирал, «не жалея ни живой силы, ни техники», остановить не удастся.

По приказу командира полка группа моряков — капитан-лейтенант Шмелев (руководитель), старшина с миноносца «Мятежный» Иван Корнев, матросы Силов и Джалаагания — должны скрыться и во что бы то ни стало спасти полковое знамя, честь полка, частицу Родины.

— Догорает полк, а мы уходим! — с горечью говорит Корнев.

— Чтобы вернуться, — уточняет Шмелев.

Он сбрасывает бушлат и китель, осторожно натягивает на себя через раненую голову полосатый тельник рядового. «...Его жизнь, привычки, гордость и самолюбие моряка и офицера больше уже ему не принадлежали. Знамя, спрятанное на груди, теперь вполнеправно распоряжалось его судьбой».

Через вязкие мхи и цепкие кусты боярышника, «половчий, след в след», моряки пробираются на северо-восток к Ленинграду.

Ориентировались «по зеленой лоции»: по муравейникам, по тянущимся к югу ветвям елей, по солнцу. «Но

лес читался трудно, как книга, написанная на чужом языке: без компаса и карт был он непроходимее самого туманного моря».

Через несколько дней, измученные долгим лесным переходом, моряки попадают в плен к немцам, прочесавшим лес. Их ведут в штаб, присоединив к ним еще одного пленного. Им оказался комиссар полка Андрей Федорович Третьяков. Раненый ординарец Стрельцов, умирая, переодевает комиссара в свою залитую кровью красноармейскую гимнастерку и этим спасает ему жизнь.

Когда шли цепочкой через лес, Третьяков шепнул Шмелеву:

— Девятого сводного Кронштадтского больше нет. Наша пятерка — все, что от него осталось.

После недолгого пребывания в тюремной камере, советских моряков отправляют в Норвегию. Здесь, в ужасных условиях Догне-фиорда — немецкого лагеря для военнопленных, и развертывается их героическая самоотверженная борьба за спасение полкового знамени. Этой святой цели подчинена вся их жизнь.

Для большей безопасности моряки поочередно надевают бушлат, в котором, между сукном и ворсистой подкладкой, зашито знамя. Каторжная работа в каменоломнях, голод, холод, цинга, постоянная слежка, расстрелы за малейшее нарушение «порядка» и просто массовая «разгрузка» лагеря — таков кромешный ад немецкого пленя, где многие теряли рассудок, единицы становились предателями, иные делали все, чтобы скорее быть пристреленными...

Великая цель дает советским бойцам силы выжить в этих нечеловеческих условиях. Багряное, прекрасное, излучающее какой-то волнующий свет знамя становится как бы своеобразным действующим лицом — символом. Спрятанное под сердцем, оно как бы распоряжалось судьбой моряков. «Люди спасали знамя, и знамя спасло их», потому что, спасая, они жили, а поскольку жили, смерть уходила от них, и они чувствовали себя воинами. Как залог грядущего торжества, « знамя переходило с груди на грудь пяти однополчан, ни на минуту не остывая, оно всегда было с ними — невидимое и зовущее вперед. Знамя воплощает идею чести, мужества, подвига, борьбы, победы и непобедимости.

Образы знаменосцев — в центре повести. Каждый из отважной пятерки всеми силами стремится выстоять и

победить. К каждому автор относится с большой симпатией.

Бывший командир миноносца «Мятежный» Павел Шмелев (когда-то плававший на учебном судне «Комсомолец» в Норвегию), уже не молод, лобаст, крепок телом и душой. Немецкий врач хотел отравить его, больного, стрихнином, но лейтенант перехитрил его и остался жить.

Иван Корнев — старшина второй статьи, рулевой того же миноносца, — веселый парень, искусный гармонист и песенник.

Верный товарищ по службе и борьбе — грузин Коста Джалагания, стройный юноша, с правдивыми черными глазами. Кипучая ненависть к фашистским палачам вырывается из его горячего сердца, и он ведет себя по отношению к ним смело и дерзко. Так, в ответ на приказ конвоира раздеться звучит его глуховатый грудной бас: «Есть закон — и пленный солдат носит свою форма. Мы еще лица не потерял». Когда фашист угрожает ему, Коста обрывает его: «Ты ошибся, капитан. Мы не боимся смерти. Нас многа. Умри один — встают десать». Не суждено ему было выйти на волю. Истощеный, больной, он молчаливо и гордо умирает, как умирают орлы его родных гор...

Жизнерадостный, любящий хорошую песню Егор Силов бежит с друзьями из лагеря, но тяжело раненный конвоирами, он не смог далеко уйти, друзья похоронили его в чужой земле. С волнением читаем мы сцену его смерти: «Прижавшись щекой к ствольной накладке, на корточках сидел у его изголовья Ванюшка Корнев. Опрешись на винтовку, с постаревшим, мрачным, казалось, закопченным лицом стоял над ним Шмелев. Настроившаяся, звенела страшная горная тишина. Только шепотом о чем-то очень древнем рассказывал ручей».

Центральное место в повести отведено образу комиссара Третьякова. Ветеран и верный солдат большевистской гвардии, он прошел нелегкий жизненный путь, о чем говорит густая проседь на висках этого широкоплечего пятидесятилетнего человека. Когда-то давно он начинал учиться на технолога, но более всего знаний дал ему «тюремный университет»: «Петербургская шпалерка и Орловский централ, Пугачевская башня московских Бутырок и все сибирские пересылки до самого Нерчинска были ему знакомы». Там закалялся стойкий волевой боец, делавший революцию и защищавший ее в гражданской войне. Это душа коллектива и в полку, и в неволе.

Незаурядные организаторские способности Третьякова признавали даже враги. Все военнопленные понимают, что это «большой человек», знающий командир, хотя и не имеет знаков различия, нашивок. Недаром ему свойственны властность и категоричность речи, удивительная выдержка, хладнокровие, собранность. Он идет на открытое столкновение с фашистами, заставляющими военнопленных снять одежду перед проходом на территорию концлагеря: «Раздеваться мы не станем. Мы военнопленные, а не каторжане, и выполнять подобные требования нам совсем не обязательно».

Как умелый организатор, он был назначен немцами бригадиром. И Третьяков прежде всего позаботился о том, чтобы были одеты четверо его разутых товарищ. Бригадир мог посещать мастерские, изучать людей, «стать тем самым мостиком, по которому твои однополчане выйдут на волю». Не зная об этих планах и считая Третьякова предателем, его чуть не убил киркой молоденький красноармеец. Протягивая кирку белесому парню, комиссар сказал:

«— На, сынок. Никогда не пори горячки. Живешь-то где?

— В двадцатом номере, батя.
— Ну, и как у вас народ?
— Народ всякий, батя. Вчера вот вербовщик власовский приходил.

— Записался кто-нибудь?
— Никто не записался.
— Вот, а говоришь, народ всякий. Выходит, неплохой народ. Ну, бери для виду лопату и марш на свое место.

Белесый сказал только взволнованно и глухо:

— Прости, батя. Не понял я тебя.

Мягкая усмешка тронула губы комиссара — человек хотел убить немецкого пособника, как ему подумалось по простоте душевной. Ну, как же можно было иметь зло на эту пылкую русскую душу?»

С тех пор люди двадцатого номера бросали на комиссара сочувственные взгляды. Мы видим богатство внутреннего мира Третьякова, его душевную силу и несгибаемость. Он заставляет и врагов считаться с собой. Когда унтер убивает отказавшегося работать матроса и пленные готовы расправиться с убийцей, комиссар предупреждает кровопролитие, встав между толпой и немцем.

Свою непоколебимую веру в освобождение он старается вселить и в других. Когда у Ивана Корнева «сердце не выдерживает от надругательств над людьми, Андрей Федорович строго предупреждает: «Значит, менять придется сердце». Он вовремя сдерживает «лишние эмоции» своих товарищей, чтобы сохранить им жизнь.

Комиссар чувствует себя ответственным за судьбы других, за судьбу знамени. За его спокойствием и уравновешенностью скрыта тревога, озабоченность, упорные раздумья о том, как организовать побег. «Это возможно только с приходом осенних холодов, ранних сумерек, лютого океанского сквозняка... — думал он, сидя на голом валуне и глядя в море». Авторитет и организаторский талант Третьякова показались опасными гестаповцам, и комиссар был приговорен к расстрелу.

Накануне казни Андрей Федорович написал на бревенчатой стене: «Не пятнайте нашего знамени, русские люди. Прощайте, дорогие. Третьяков». И добавил: «Расстрелян в ночь на 12. 12. 41 года». До последней минуты думает он о товарищах: «...Ближе кровных братьев были они ему сейчас, все эти остающиеся жить рулевые, комендоры и минометчики».

Глава о гибели Третьякова — волнующая кульминация повести.

Дорога к смерти показалась необычно короткой. У моря над ямой, «подчеркнутой перистым багрянцем сполохов... чернел обугленно, зловеще» час назад вкопанный в песок столб, дальше которого идти было некуда. «...Это был самый короткий километр за все его сорок девять лет».

Третьяков «стоял перед строем, под шестью дулами, с открытой грудью, с гривой седеющих волос, откинутых со лба».

На чистом немецком языке произнес комиссар свою последнюю краткую речь:

«— Солдаты! От вас скрывают правду: под Москвой ваши войска разбиты. Ростов занят Красной Армией. Скоро вы вспомните мои слова, солдаты. Расплата близится...».

Эльзасцу Бертрану Жуво, наемнику фашистов, казалось, что глаза приговоренного к смерти смотрят прямо на него, что он говорит для него. Пораженный самообладанием русского, его пророческими словами, француз отказывается стрелять в комиссара, за что поплатился жиз-

нью. Прозрение Жуво обрадовало Третьякова: «мир колючей проволоки давал трещину на его глазах».

Последние мысли героя — о своей «зеленой, шумливой, веселой земле», о матери России. Последний прощальный взгляд — на море. «Комиссара ударило в голову, обожгло, и засветившееся море разом стало вкось, как на падающей картинке».

«Русский, точно перебитое крыло, подвернув под себя руку, лежал на песке. Песок под его головой почернел, намокнув кровью». И вскоре с ней смешалась кровь эльзасца Жуво: «неотличимо одинаковая, теплая и яркая...»

Критик М. Игнатов писал: «Образ старого большевика-комиссара Третьякова — большая, принципиальная удача писателя. Комиссар остается со своими бойцами не только для того, чтобы поддержать их в плена, но и вызволить, помочь вернуться на Родину... Читая о том, как двое балтийцев на лодке, полученной от норвежских друзей, пробиваются в Кронштадт, мы ощущаем присутствие комиссара. И думаем о пламенном сердце патриота, об его бессмертии»¹⁰.

Мрачный, холодный тон окрашивает в повести все, что связано с плenом и лагерем. Тройная паутина колючей проволоки. Голые нары. Страшная теснота. «Казалось, липкий воздух можно было взять в руки и выжать, словно мокре, грязное полотенце». У солдат — хмурые лица, словно «вырезанные из сухого и темного дерева». Здесь даже пауза «затягивается, как петля». На многих страницах, как символ неволи, вырисовывается образ решетки: «ржавый крест решетки», «черный крест решетки», на нем словно распято «мутное небо». На преждевременно состарившихся лицах узников лежит печать «душевной усталости, худобы и серой пыли каменоломен», «со стенных часов, тупо постукивая, падают секунды».

Большая заслуга писателя в правдивом изображении стана врагов, где даже самые преданные гитлеризму боятся друг друга. Автор раскрывает их психологию узкого догматизма, страха перед могучим, убежденным в своей правоте и насмерть стоящим народом.

За плечами гауптмана запаса Хазенфлоу большой жизненный опыт. Когда-то в числе иностранных специалистов он служил в Советском Союзе на новостройках первой пятилетки. Немец с удовольствием попивает русскую водку и считает, что хорошо изучил «этую породу» — русских. Теперь ему — начальнику лагеря — поручено со-

орудить в одном из уголков Норвегии базу для подводных лодок и аэродром. И «великая Германия», и он лично в этом заинтересованы. Жестокость Хазенфлоу, его равнодушие к людям подчеркиваются повторяющейся деталью портрета — у него «подернутые изморозью», «замороженные светло-серые глаза». Однако Хазенфлоу — не сторонник массового истребления военнопленных, он полагает, что надо «мирными средствами» заставить их работать на немцев, «выжать все, на что они способны».

Другая разновидность фашиста — его подчиненный, офицер итальянских колониальных войск Эдмонд Турины. Он уже «трижды сменил хозяев и послужил уже в двух частях света» (был и в Абиссинии). Его возмущает то, что Россия заставляет «пересматривать многое, до того казавшееся несомненным».

Военврач оккупационного корпуса Дарлиц-Штубе с «пустыми бусинами» вместо глаз — настоящий садист, позорящий самую гуманную профессию в мире. Он травит больных и собирает коллекцию черепов. Вот один из его монологов: «Да-да, подыхайте в поле под огнем минометов, под гусеницами танковых колонн, под шрапнелью артиллерийских шквалов, подыхайте, стоя с градусником под мышкой, сунутым вам для издевки, приняв рвотное, потогонное, стрихнин, если вас миновала пуля и осколок, ибо никакой медицинской помощи вам оказано не будет, а освобождение от работы получают одни мертвые...».

Не хотел быть палачом, но неизбежно им стал, являясь в то же время и жертвой, адъютант Хазенфлоу австриец Нидерштре. В прошлом лейтенант был студентом Венской консерватории. Нидерштре не одобряет гестаповских зверств и наивно думает, что ему удастся не запачкать руки в крови. Когда Хазенфлоу назначает его распорядителем расстрела военнопленных, нервы австрийца не выдерживают.

Кровожадный палач-гестаповец Руммель стремится жестокими мерами утвердить гитлеровский режим, которому он фанатически предан. Недовольный «либерализмом» в лагере, он распоряжается, чтобы «перегнали на торф» сразу более ста человек.

Тлетворной фашистской идеологии противостоит высокий патриотизм и гуманизм советских людей, чудовищной жестокости врагов — душевная щедрость и доброта народа. Народ вечен, бессмертен, как и природа, показанная в тесном единстве с ним. Она помогает знаменосцам:

«слепящие лучи» солнца ударяют в глаза конвойному при побеге русских из плена; «спасительный туман» принимает их «под свою широкую лохматую лапу».

Знамя спасено. Моряки возвращаются на родную землю, как воины-патриоты.

Первыми читателями повести стали военные моряки. Они оценили ее как памятник краснофлотцам, замученным фашистами в застенках Норвегии, и благодарили автора «за эту хорошую книгу»¹¹.

Незабываемым был вечер в большом светлом зале клуба Кронштадтского артиллерийского училища, где в годы юности учился Мамин. Здесь было проведено три обсуждения «Знамени Девятого полка». Было это в 1967 году. Писатель вспоминал, как тепло и сердечно встретили его юные моряки.

Мамин внимательно прислушивался к отзывам читателей, особенно фронтовиков, и к оценкам своих товарищ-писателей. Иван Сибирцев так отозвался об этой книге: «Меня взволновали судьбы ее героев — людей удивительно цельных, мужественных и чистых. Светлая романтическая приподнятость этой повести подчеркнуто, откровенно вторила пафосу летописцев славы советского флота Всеволода Вишневского, Бориса Лавренева, Леонида Соболева»...

К «Знамени Девятого полка» тематически примыкает повесть «Витязи Студеного моря», вышедшая в Воениздате в 1966 году. «Она написана, — вспоминает автор, — в 1946—1947 годах, когда я корреспондентом журнала «Вымпел» болтался в бригаде торпедных катеров Севера, и потом была потеряна мною на целых 13 лет». В 1947 году Маминым был опубликован под псевдонимом Николай Ропчин коротенький рассказ. «В последний день апреля», в котором центральный герой — тот же, что и в повести.

Повесть посвящена морякам Северного флота. «Начиная с названия, вся она проникнута морской романтикой, органически слитой с сочными зарисовками военного флотского быта», — писал критик В. П. Вильчинский.

Фамилия главного героя — Владимира Николаевича Алексеева, в военные годы командовавшего дивизионом торпедных катеров, ныне вице-адмирала, в «Витязях Студеного моря» не изменена. Автор близко знал его. Бойевые товарищи ценили Алексеева за мягкость и чуткость к ним, за беспощадность к врагу. Мамину хотелось «стать,

пусть небольшим, но летописцем» славных дел моряков-североморцев, и с этой задачей он справился. Вдохновленные великой целью, советские моряки атакуют зарвавшегося противника, поднимают на воздух и топят вражеские корабли. В ратном деле морякам помогает боевое содружество. Так, лейтенант Борис Рахманов ведет свой катер на гибель, чтобы помочь в бою товарищу. Запоминается эпизод, когда моряки с военного катера спасают летчика, ястребок которого ушел под воду. Здесь «все понимали друг друга с намека — и люди и механизмы». Автор восхищается отвагой и стойкостью моряков.

«Для Николая Мамина моряк — не только носитель прекрасных человеческих качеств, воспитанных морем, но и прежде всего человек, выкованный советским строем и беспредельно преданный ему, готовый ради советской Родины на любые испытания и самые невероятные трудности», — пишет один из критиков В. И. Полустарченко¹².

Достоверно и зrimо автор передает картины жестоких боев, раскрывающих лучшие черты советских моряков. Недаром Н. М. Другов признавался, что повесть «покорила его профессионально-технической доскональностью», «картинами морских баталий»¹³.

Все действие повести связано с морем. Оно редко спокойное, чаще — шумящее, глухо ворочающееся в камнях, «туманное», «сурое и неповторимое», «студеное», и всегда — «свое, в течение веков исхоженное русскими»...

Автор подчеркивает, что русское море всегда «было за них, Алексеевых, Бликовых, Домысловых», незримо помогало им в их нелегком ратном труде. «Катера уходили в мглистое море, навстречу ветру. Вода замерзала на кандахах, и сужно гремело, как латы».

В военных походах катерники были необычайно стремительными и дерзкими. Не случайно за две недели дивизион подбил тринадцать кораблей противника, за что командир Алексеев был представлен к званию Героя Советского Союза.

Запоминается картина боя, когда советские катера, с помощью истребителя, топят огромный неуклюжий вражеский транспорт, торпедируя его и поливая с воздуха «цветными струями пулеметного огня».

— Эх, сокол! Вовремя ты взялся, — взволнованно бормотнул Никритин. — Святое дело товарищество... Один наведет, другой огоньком прикроет, третий... Залп! — не-

слышно вскрикнул он, дернув стиснутым кулаком над головой. — За Борю Рахманова!...»

Повесть о витязях Студеного моря писатель Иван Сибирцев назвал «волнующей балладой о подвигах подводников Севера».

ГЕРОИКА ТРУДОВЫХ БУДНЕЙ

Щедрым, урожайным было для Мамина последнее его десятилетие. Жил жадно, неуемно вникая во все вокруг, стремясь все видеть, всюду поспеть...

Выходят разнообразные по тематике и жанрам повести: «Валеркина любовь», «Золотые горы», «Крохальский серпантин», роман «Законы совместного плавания». Внимание писателя привлекают люди мирных, но романтических профессий — геологи, золотодобытчики, речники, шоферы, лесорубы. Часто это бывшие моряки с романтическим характером и романтическим прошлым.

В 1957 году на Ангаре Мамин создает повесть «Валеркина любовь», которая сначала была напечатана в газете «Красноярский рабочий», а в 1959 году издана в Красноярском книжном издательстве.

Небольшая, но емкая по содержанию повесть может быть названа молодежной. Большинство ее героев — молодежь, которой дышится «легко и свободно» и мир кажется «как бы открываемым впервые». Страницы повести словно бы наполнены светом и воздухом.

Мамин рисует небольшой коллектив маленького ангарского судна «Орленок», людей добрых и чутких. Капитан Сергей Сергеевич — «седеющий крепыш из демобилизованных военных моряков-сверхсрочников» нередко вспоминает эпизоды своей флотской молодости. Доброта светится в его «улыбке младенца». Не раз наказывая рулевого Валерку за провинности, он в то же время отечески опекает его.

Валерий Долженко, по имени которого названа повесть, — наиболее интересный характер. Этот «поперечный человек», как выражается его друг Кеша, вырос без отца, что многое объясняет в его поведении. «Все в нем было еще юношеское, угловатое и не сформировавшееся до конца, только большие красные руки да суровые очень светлые глаза северянина стали уже мужскими». Валерка строптив и самонадеян. «Я и сейчас не меньше Сере-

ги знаю», — хвастливо говорит он о капитане. Паренек влюбляется в штурмана Антонину Николаевну, и хотя его чувство безответно, оно благотворно для молодого человека. Его душа открывается всему добром и прекрасному. Он любит не только Антонину, «а и все, к чему прикасалась руки» этой женщины с «тяжелыми косами» и «крылатыми бровями», самый воздух, «которым она дышала». Ему милее становятся и река-красавица, и «струнной мачтовой прямоты лес» на ее берегах. Чувство помогло ему разобраться в себе и в людях.

Однажды за проступок капитан Сергей Сергеевич хотел списать Валерку с судна, но за него поручилась Антонина Николаевна. Рулевой старается быть точным и исполнительным, радуя старого капитана, не подозревающего о его любви к штурману.

Валерка уходит служить на флот. «Что бы ни ждало его впереди, все равно дорога в завтра была, как вот эта могучая река, — широкая и прямая».

Главное достоинство этой повести — правда человеческих характеров.

Хорошую оценку она получила и в журнале «Сибирские огни», где была опубликована под названием «Валеркино счастье». Критик Борис Рясенцев писал автору, что всем им очень понравилась эта «теплая, изящная маленькая повесть» ¹⁴.

Во время недели сибирской литературы в Москве «высокой оценки удостоились роман Н. Задорнова «Борьба за океан» ... повести Н. Мамина «Валеркино счастье», Е. Коронатовой «Клавдия», Г. Михасенко «Кандаурские мальчишки»... ¹⁵.

Критик Игорь Мотяшов, отмечая успех повести Мамина, поставил ее в ряд с наиболее удачными произведениями всесоюзной литературы. В своей рецензии на повесть Рекемчука «Молодо-зелено», помещенной в журнале «Москва» (1962, № 3), он писал, что «по-настоящему талантливая литература только за последние один—два года дала о себе знать такими яркими, полюбившимися читателю книгами, как «Встреча с чудом» И. Лаврова. «Витин едет в университет» Ю. Рыхтэу, «Девчата» Б. Бедного, «Валеркино счастье» Н. Мамина и многими другими».

Жизненная достоверность этого произведения объясняется безупречным знанием изображаемой действительности. Интересно, что у героев были и прототипы, которых

хорошо знал автор. 18 сентября 1960 года ему послал письмо из поселка Маклаково (ныне входящего в город Лесосибирск) Александр Петеримов — прототип Валерки.

«1957 год, лето, Ангара, теплоход «Товарищ». Самый молодой член команды — я, — писал А. Петеримов. — В моей душе навсегда сохранится память о тех летних днях..., когда произошло наше знакомство. Время, проведенное вместе с Вами на «Товарище», и наши откровенные разговоры незабываемы для меня. Многое я понял и осознал уже позже, находясь в армии. Я часто вспоминаю обо всем и сожалею, что нет такого человека, который бы мог оказать поддержку в трудные моменты жизни».

Демобилизовавшись, Петеримов в родных краях устроился на строительство железной дороги Ачинск—Абалаково, посещал 10-й класс школы рабочей молодежи. Он пытался встретиться с Маминым в Красноярске, но писателя в городе не оказалось. Узнав о выходе «Валеркиной любви», Александр успел купить в магазине последний ее экземпляр. «Эта повесть мне очень понравилась, — признался он. — Перед моим взором открылось все, как наяву..., что было у нас на «Товарище», переименованном Вами в «Орленка». Я узнал всех героев повести, в том числе и себя в роли Валерки. Знаете, Николай Иванович, я даже не думал, что Вы можете так чутко, тонко войти в души других людей и увидеть, что таится в глубине этих душ. Вы в повести написали о том, о чем я даже ни одного слова не упоминал за все время, пока мы были вместе. А ведь в действительности и было так»¹⁶.

С Приангарьем связана не только повесть «Валеркина любовь». Оно так обогатило Мамина впечатлениями, что отразилось еще в ряде произведений. Его вторая ангарская повесть — «Златые горы» посвящена золотодобытчикам. «Лишь только я оторвался от Мотыгина, золотишко заговорило — нашелся и сюжет, и типаж стал вылезать из тумана», — писал автор Н. В. Волкову из деревни Красная Горка 29 июля 1958 года. В повести подняты серьезные проблемы — о живучести пережитков прошлого в сознании людей, о доверии к людям, пусть даже ранее отступившимся. Важное место занимает в повести проблема освоения нашей родной Сибири, строительства на ее необъятных просторах. Молодые герои — Дмитрий Шерстнев, Тамара Земкова, Ядвига Лотоцкая и другие по доброй воле приезжают в этот суровый и благодатный

край. Дмитрий (он наиболее близок автору) — флотский старшина с туманного и штормового Баренцева моря. Демобилизовавшись, он решает ехать в Сибирь. «Это как раз по мне». Его любимый командир Алексей Кодлевский, ставший для Шерстнева «вечным примером в большом и малом», одобряет его: «Сибирь ты правильно выбрал. Главное там. Пока молодо, так и послужить на переднем крае». На подаренной Дмитрию книге своих воспоминаний о войне Кодлевский написал: «Будь всегда в строю, старшина». Москвич Шерстнев думает, как радостно будет сказать потом: «А мы это начинали...»

Флотское прошлое еще живет в нем. В ровном шуме могучих сосен ему еще слышится шум моря. В памяти постоянно всплывает образ родного миноносца, который и здесь «определял его курс», подсказывал ту или иную линию поведения. Дмитрий отказывается от должности техника и идет на самую тяжелую работу — лесоповал. Этот «доверчивый и сильный» парень ищет счастье не в материальных выгодах, а «в делах, в мыслях, в том, что ты нужен людям».

Пока он еще комсомолец, но нет сомнения, что Кодлевский и замполит дадут ему рекомендацию в партию.

Юноше понравилась Тамара Земскова — красивая девушка с Кубани, попавшая в таежную глухомань по оргнабору. Отец ее умер рано, мать о воспитании дочери не заботилась, и она «росла вроде обсевка». Попав на драгу, она начинает утаивать государственное золото. На это ее толкает подруга — Ядвига Лотоцкая. Встреча с моряком заставляет девушку задуматься над своим поступком, признаться Дмитрию во всем. Он женится на Тамаре, помогает ей стать честным человеком.

Ядвига Лотоцкая — суровая западная хуторянка, католичка. Но и в этой одинокой девушке не растрячены хорошие задатки, гарантирующие возможность доброго развития души и полноценной жизни. Недаром журналист А. Г. Керин считал этот образ удачей и писал о нем автору:

«Тот, кто видел в жизни этих фанатично набожных, упрямых и гордых, но таких нежных и душевых западниц, тот не может не разделить печали Ядвиги, попавшей в нежданную и негаданную беду, подавленной горем, злобленной на всех на свете, в том числе и на себя,— за утраченную молодость и несбывшиеся чистые девичьи грезы. И как хочется помочь ей найти свое счастье, помочь

встать на хороший путь, где есть свет и радость и не только в труде, но и в любви к людям, к близкому человеку, к своей семье... Хочется верить, что наша Ядвига при содействии благородных и честных людей, таких, как Дмитрий, Кошкин и Тамара, найдет все, чего мы от души желаем ей» ¹⁷.

Тема выпрямления человека прозвучала тогда в ряде произведений советской литературы. Например, у Сергея Сартакова и Барбинских повестях.

С большой теплотой изображается Борис Кошкин — начальник 19-й драги, затем секретарь партбюро, отвечающий за все 24 драги, на которых трудятся коммунисты. На приисках ему все было родным. Масленщик и машинист в прошлом, он умел выполнять любую работу. С деловитостью и требовательностью в нем сочетаются простота и чуткость. Он понимает особую ответственность своей новой работы: «тайгу в людях корчевать надо», «думать, волноваться, приходить в ярость за всех других». Позади у него — фронт, взятие Будапешта.

Запоминается читателю и сердечный к людям работник милиции Зёвин.

Повесть «Златые горы» написана легко и читается с интересом. Мамин всегда был верен жизненной правде, о чем он писал 11 августа 1959 года сестре Галине Ивановне:

«...Я считаю, как и 25—30 лет назад считал, что лакировка и приукрашивание нашей действительности для литератора и литературы — враг не меньший, чем клевета на эту действительность. В соответствии с этим тезисом мною и написана последняя повесть «Златые горы» о современной, но не иконописной, а натуральной Сибири...»

Газета «Красноярский рабочий», отмечала, что из произведений 1959 года «особенно оживленно обсуждались такие произведения, как «Саня Лосев» Н. Устиновича, «Златые горы» Н. Мамина, «Лика» А. Черкасова».

«Все это случилось еще до войны, в верховьях Печоры»... Так начинается одна из самых поэтичных повестей Мамина — «Крохальский серпантин», написанная в 1964 году.

В небольшом поселке Веселый Куток из двенадцати жилых бараков, гаража, ларька, пекарни и клуба расположилась автоколонна, перевозившая по «извилистому,

головоломному» тракту в 264 километра нефть, бензин, солярку с перегонного завода на ближнюю пристань.

Время было сложное и героическое, «где-то в далекой Испании уже вовсю полыхал франкистский мятеж, Чкалов с Байдуковым и Беляковым рекордно перелетели через полюс в Америку. Все конструкторские бюро мира, в том числе и наши, были заняты разработкой новых марок танков и истребителей», — так скрупультно, как бы штрихами, рисует автор конец 30-х годов, а еще точнее — начало 1937 года.

Сложность тех лет заключалась не только в грозовом предчувствии будущих сражений Великой Отечественной войны, но и в тех событиях внутри страны, понять которые помог «беспощадный и благостный свет двух партийных съездов, мощными прожекторами исторической правды осветивших прошлое».

События тех лет служат не только историческим фоном, но и определяют драматический нерв всей повести. Сюжет ее незамысловат. Она написана как воспоминание о давно минувшем, в ней то звучит голос уже немолодого автора, то волнуется, переживая события своей романтической влюбленности, молодой шофер Николай. Этот «двойной план» придает повествованию особую доверительность. «Как же давно все это было! И как совсем рядом, в самых окрестностях сердца лежит оно во мне до сих пор!..»

Мы видим предельное трудовое напряжение автоколонны, дружбу молодых водителей и трагическую гибель Александра Кайранова в рейсе на Крохальском серпантине.

С брезентовым рюкзаком за плечами и картонным чемоданчиком в руках появился Саша Кайранов в поселке.

Вначале всех несколько озадачило поведение приезжего — дипломированный инженер, бывший работник НИИ отказался от инженерной должности, чтобы стать рядовым шофером, «Диплом, по-моему, прежде всего бумажка. А я хочу стать инженером-механиком по автомобилям всерьез, а не только по диплому. И буду начинать с шофера», — настоял на своем Кайранов, чем сразу заслужил симпатию и уважение сменного механика Биллажа Раймонда Фердинандовича — «Отче Раймонде», как зовут его между собой молодые водители, уважая его за прекрасное знание машин, истинную интеллигентность и вдохновенную игру на скрипке.

В лице Биллажа Кайранов нашел и настоящего учителя автодела, и старшего друга. «Если за смену Биллаж попадался какой-нибудь особо интересный или кляузно-головоломный ремонт, а Сашка не был в рейсе, то старик обязательно посыпал за ним», — вспоминает рассказчик.

Вообще, Саша Кайранов приживался в автоколонне не-прихотливо и споро. «Все в бараке как-то очень быстро привыкли не горлопанить, если Сашка сидел за столом над справочником Шютте или комплектами «Автолюбителя», своими вечными спутниками даже в рейсе. Он явно нас облагораживал и тянул за собой, а меня (рассказчика — А. М.) ответно все больше тянуло к этому молчаливому человеку с лицом и руками интеллигента и совсем незаурядной шоферской хваткой и выносливостью». Так и шли у них день за днем: рейс, пересмена, отдых и опять рейс.

С большой любовью, скромно, но очень выразительно Мамин рисует товарищей Саши Кайранова по автоколонне. Володька Яхонтов — напарник Саши — широкогрудый, в стареньком авиационном шлеме, голубоглазый «богатырь с васнецовских картин». Биллаж зовет его «шофер милостью божьей». Васярка Доган — добрый, задумчивый украинец — всегда готов прийти на выручку к товарищу. Колоритна фигура начальника колонны Гоши Гребенщикова, участника гражданской войны. Молодые шоферы, несмотря на его властный характер, «почитали и даже любили» за то, что он «никогда не лицемерил и не называл черное белым самому крупному начальнику, вплоть до замнаркома». Петро Елец — в прошлом балтийский краснофлотец, моторист-подводник — незаменимый комсорг колонны водителей.

Большая удача автора — образ молодой телефонистки, талантливой певицы Шуры Король, в которую влюблен шофер Коля. Спустя много лет, он вспоминает свою любовь к Шуре, как что-то прекрасное, неповторимое, хотя и с некоторым уже «взрослым» оттенком иронии над самим собой: «Я был еще очень молод, и всякие лирические чувства так распирали мою грудь, что без прямого объяснения тут было не обойтись». Или: «Милые годы! Я тогда совершенно искренне полагал, что с девушками при первом знакомстве надо говорить о вещах значительных и умных». Шура была любимицей всей автолинии, «ее голосом гордились, как собственным достижением. Всего

«четвертый номер» чапейской телефонки, а как поет! Не хуже, чем по радио».

Безответной любовью любит Шура Сашу Кайранова. Суровые испытания выпали на его долю. Его отца, участника двух войн, комбрига, репрессировали. Дома осталась больная мать с четырьмя младшими детьми. Саша должен помогать семье — это тоже одна из причин, почему он старается добиться рекордной вывозки труб для нефтяников. ЗИС Яхонтова — Кайранова стал перевозить 8200, 8950, а потом и 10 000 тонн труб. Об их рекорде пишет газета «Факел социализма», их приезжает поздравить секретарь обкома Павел Прокопьевич Потапов, друг отца Кайранова. Он обещает заступиться за Кайранова-старшего «в высших инстанциях». Сашино «лицо сияло, и он весь был совсем не такой, как час назад, словно встреча с Потаповым сбрызнула его какой-то необычно веселой живой водой», — вспоминает рассказчик. Уже начинало казаться, что «Саша на глазах оттаивает». Но вдруг все рухнуло. Потапов оказывается отстраненным от должности. Это известие было для Саши роковым. «Он сказал с каким-то ледянящим и обреченным спокойствием тяжелораненого, еще не чувствующего всю меру боли, но уже знающего, что рана смертельна:

— Значит, крах, Никола. Жаловаться некому...»

И вот последний рейс, в который отправляется Саша Кайранов. Товарищи, особенно Биллаж, пытаются уговорить его остаться, все видят его тяжелое ранение души. К тому же идет дождь, а Крохальский подъем не шутка!

Последние страницы повести написаны с большим драматизмом, действие как бы нарастает вместе с движением тяжелого груза по серпантину:

«Сашка вел совсем по-прежнему щегольски и, видя километр вперед, артистически обезжал каждую рытвину.

... — Чепуха. Поднимемся. Глаза страшатся — руки делают.

... — Смертельно бить вперед! — шепотом повторил Коля суворовский девиз и позавидовал Сашке, — так он, весь подбравшись, красиво и строго сидел за рулем.

... Машина, развив хорошую инерцию, как бы всплыла вверх по серпантину, круча ее уже не держала».

И вдруг все растущая скорость упала — с горы, почти по самой середине шоссе, прямо в лоб, мчался почтовский газик.

Шофер Коля «спиной» почувствовал, как машину потащило назад всеми девятью тоннами груза, прицепом и стальной массой рессор, лонжеронов и бессильного теперь двигателя.

«...Прицеп легко, как на шарнире, вильнул влево, к краю обрыва, машину резко подбросило вверх и сразу потянуло под кручу.

— Прыгай! — отчаянно крикнул Коля и еще успел разглядеть в раскрытые дверки кабины взметнувшуюся в прыжке фигуру Саши. Одним прыжком Коля очутился возле друга. Он неподвижно лежал ничком, щекой на валунном камне... Лицо его было спокойно и бледно».

Кончина Саши Кайранова потрясла всех. Похоронили его на песчаном холме за автогородком. «Было ветreno, и багрово-желтые листья осин, совсем как ордена, ложились на обитую красным крышку».

Правомерен вопрос, поставленный в конце повести: «Разве только он, бездушный и тихий камень, так не у места оказавшийся здесь, был виноват в Сашкиной смерти?»

Главная тема «Крохальского серпантינה» — тема душевного благородства, тема человеческой доброты и открытости. Суровая северная трасса проверяла каждого. Без товарищеской взаимовыручки, поддержки и доверия здесь работать было нельзя.

— «Эх, друзья, что бы я без вас делал? — неожиданно ласково спросил Сашка». Колю «душили радостные слезы оттого, что Сашка на глазах выходит из своей черной ночи от добной уверенности в нашей шоферской артели, в Биллаже, в Яхонтове, в Ельце — и всех наших грубоватых и чистых сердцем парнях, которые сообща осилият любое горе товарища и не дадут ему согнуться», — с волнением вспоминает рассказчик своих товарищей тех лет.

Повесть овеяна ароматом молодости, первой возвышенной любви и дружбы. Весна в природе с ее светлой лазурью, нежной зеленью, «страстным приыхающим воркованием пальников и диких голубей» как бы вторит весеннему расцвету в жизни героев повести, особенно трогательно-возвышенной любви молодого шофера Коли к Шуре Король. Природа как бы служит лирическим аккомпанементом происходящим событиям. Вначале герой просто радуется, что он едет «навстречу весне, и в каждом стрекочущем на пашне челябинце или харьковском колеснике, черным жуком ворочающемся в только что обсох-

шой борозде, чувствует своего дальнего родственника. Ведь именно нашей нефтью жила посевная».

Но вот Коля везет с дежурства Шуру Король. Он полон любви к ней, и для него «в ту ночь и самый тяжелый мазут, казалось, припахивал то ли резедой, то ли левкоем».

Природа помогает автору передать самые сокровенные чувства его героев: «Шура, одна Шура стояла у меня в глазах, то золотым туманом над солнечной Лежмой, то кустиком уже созревшей жимолости», — вспоминает Коля.

Сурова природа накануне трагической гибели Саши Кайранова: «...как мокрые вороньи перья, торчали на ближних угорах мрачно-черные пихтачи, да прибитая дождем трава на обочинах дороги, мутно светясь, казалась залитой той же тяжелой ртутью».

Повесть была опубликована в Красноярском книжном издательстве в 1966 году и сразу получила признание читателей и критики.

«Удивительно хорошо в этом мире чистых чувств, ясных поступков и высокой человеческой логики, логики доброты и мужества; с ее героями... вроде бы и сам проходишь проверку на свое человеческое достоинство», — писал критик Н. Нечаев ¹⁹.

«Романтическая проза Н. Мамина не чуждается обыденного повседневного строя, но писатель незаметно поэтизирует его, открывая в простом и привычном какие-то новые грани и новый, прежде невидимый смысл», — пишет литературовед В. Размахнина. И далее: «так называемые «личные отношения» в произведениях Н. Мамина обязательно захватывают глубинные, существенные стороны человека. Они не могут стать чем-то внешним, случайным, потому что в них и через них человек раскрывается также, как в минуты высшего драматизма» ²⁰.

Единственный роман Мамина называется «Законы совместного плавания». Автор раскрывает смысл этого названия, глубоко и верно выражавшего не только суть самого романа, но и всего творчества писателя: «Есть такое флотское наставление, вроде устава. Как плавать вместе. Но я несколько расширил сферу его действия. Ведь все мы в совместном плавании. И берег еще далек».

«Внимание Н. Мамина всегда привлекали люди труд-

ной судьбы, «неистовые и гордые неудачники». Неудачники — по счету житейского благоустройства, неистовые и гордые — по складу души. Он сам относился к числу таких людей и знал их упрямый, непокладистый нрав, их неуемность и трудные раздумья. Полнее всего этот тип человека освещен в романе «Законы совместного плавания», — отмечала Размахнина²¹.

Речь идет о главном герое романа — Сергее Петровиче Пастухове, жизненная канва которого почти полностью совпадает с жизненной канвой автора.

Писатель и сам не отрицает этого сходства, делая Пастухова автором его баллады о Летучем голландце и стихотворения «Наследство». Однако это не автопортрет, и роман — не автобиография.

Старший лейтенант Пастухов, командир торпедного катера Северного флота, награжденный орденом Красного Знамени, летом 1944 года попадает в лагерь для советских военнопленных, расположенный на севере Норвегии. Там он встречается с полковым комиссаром Андреем Дмитриевым. Проявляя героизм и рискуя жизнью, Пастухов становится членом подпольной организации советских моряков и затем бежит из плена. К сожалению, вернувшись на родину, он не смог снова попасть на военный флот.

Оказавшись в Приангарье (Нижне-Партизанск), Пастухов устраивается старшиной на 18-сильный служебный катер «Геолог». Но внутренне он чувствует себя военным моряком. Мы видим его одетым в полосатую тельняшку и «синий кителек, побелевший на швах». В его речи постоянны флотские слова и выражения.

Жизнь Пастухова в эти годы складывалась нелегко. «Сухое бровастое лицо» прорезают «ранние морщины». Только глаза, «угрюмые и беспощадные», по-прежнему «морские, зоркие, как у чайки».

С завистью и грустью он думает о своих друзьях, которые ходят капитанами дальнего плавания. Правда, он уже успел полюбить свой «длинный серый катер», который перевозит по «работящей быстрой реке» металлургов, тянет баржи-рудовозы. Он легко справляется со своей трудной работой, где часты бессонные ночи, спешка. И даже урывками выстроил себе дом, в котором живет с женой Олимпиадой, тещей и трехлетним сыном Сашей. И все же он уходит с катера: «не захотел больше травить сердце этой синей, напоминающей морскую, водой», про-

тяжными гудками и возвращающим к боевому прошлому «хищным скошенным профилем «Геолога» (ведь это бывшее военное судно)...

Суровые условия Севера сделали Пастухова мастером на все руки. Он умел крутить барабанку не только торпедного катера, но и автомобиля, и трактора. Поэтому его так охотно взял в свою бригаду Василий Гордецов.

Но по главному призванию Пастухов — поэт, художник. Еще в 30-е годы он посещал общефлотскую группу «Морское братство», писал стихи. В кромешном аду концлагеря тайно вел записи, а друзья помогли их сберечь. И здесь, в Сибири, Сергей задумывает повесть, для которой эти записи могут послужить основой, но осуществление этого плана требует свободного времени. И Пастухов определяется сторожем на лесосеку. Это его тем более устраивает, что он любит тишину и природу. В «лесной, рубленной в ковш избушке», низкой и полутемной, можно было читать книги, присылаемые из Москвы тетками-учительницами и до утра просиживать с «ночником над исписанными страницами».

Небезынтересно отметить, что тут Мамин буквально воспроизводит кусочек собственной биографии. В первой половине 50-х годов он, тогда сторож райловской лесосеки, жил в сторожке, находившейся на таежной поляне Проспиха в шести километрах от Мотыгина. Вот что рассказывал летом 1981 года Н. И. Попов, инженер, живущий в Красноярске:

«Я еще мальчишкой был, забрели мы как-то с Валеркой Суровым на Проспиху. Смотрим — избушка, дверь приоткрыта. Подошли — а там мужчина сидит на чурке, на коленях у него дощечка, на ней бумага, и он что-то быстро-быстро пишет. На полу у него много исписанных листков валяется. Помню: на мужчине была тельняшка. Избушка небольшая. Окошечко маленькое, столик, вытесанный из расколотых чурок, железная печечка и нары как раз в длину стены — тоже из толстых жердей вытесанные. Лишь через несколько лет я узнал, что это был писатель Н. И. Мамин».

В такой же сторожке поселяется герой романа — Сергей Пастухов. Всю жизнь он мечтал создать, «хотя бы одну стоящую книгу».

В таежной тишине и уединении ложатся на чистые страницы героические дела товарищей-моряков, катерников Северного моря. Гибель одних. Кошмарный немецкий

плен для иных. Восстание, поднятое комиссаром Андреем Мартыновичем Дмитриевым. Побег с захваченным оружием. (Местечко Трёмсе, где находился концлагерь, упоминается в «Знамени Девятого полка», и вообще содержание повести Пастухова родственно этому произведению).

«Искренняя, страстная, мятущаяся душа», Пастухов за творческой работой чувствует себя «абсолютно счастливым». Всех, кто так или иначе приобщается к творческому замыслу Сергея, повесть захватывает и увлекает патриотическим пафосом, напряженностью и драматизмом событий.

Одной из первых становится причастной к работе Пастухова местная учительница литературы Софья Балахнина. Встретившись с ним, она обратила внимание на его «упрямо стиснутые губы», возле которых, однако, ютилась иронически-добродушная складочка. Он производил впечатление особо собранного, волевого человека. И если его считали «поперечным» и «чудоломным», то это лишь подтверждало умение Пастухова быть упрямым, настойчивым, что так необходимо в работе художника.

Софья едет в Ленинград, и Пастухов дает ей поручение. В этом городе он прожил 17 лет, окончил мореходное училище, чтобы плавать на торговых и военных судах, а потом воевал. Здесь живет вице-адмирал Александр Васильевич Кузьмитин (о нем упоминается и в повести «Витязи Студеного моря»). Сколько дорогих воспоминаний связано у Сергея с этим военачальником! Как явственно помнится «далекий Варангер-фиорд — главная боевая акватория бригады Кузьмитина», «зеленая вода в бездонном фиорде была никак не теплее, чем в зимней Ангаре». И Пастухов был среди тех, кто «топил в упор немецкие корабли, не пропустив их дальше норвежских пограничных фиордов».

Софья, по просьбе Сергея, встречается с Кузьмитиным, рассказывает ему о творческих планах своего нового друга. Кузьмитин горячо одобряет замысел Пастухова. И теперь Сергей рассматривает создание повести о комиссаре не только как осуществление своей давней литературной мечты, но и как выполнение наказа адмирала, его боевого задания. Он должен рассказать о товарищах по войне и плenу, о тех, кто не сгибался, а боролся.

К работе над этим произведением оказывается причастным целый коллектив...

«...Еще и на третью не написанная, эта повесть уже

кипела вокруг них (друзей — А. М.) страстями ее героев, и Пастухов чувствовал себя как бы в барабане какой-то все быстрее вращающейся центрифуги — так несло и кружило вокруг него образы многих людей, их величие и подлость, страдания и радости. В коридорах дымовых занавес мчались на врага торпедные катера. Выли овчарки вокруг тройного ряда колючей проволоки, в твердом уме и здравой памяти шел на смерть Андрей Мартынч».

Память о замученных в «дантовом аду» фашистского застенка, где «подлый становится еще подле, а честный еще чище и выше», двигала первом художника. «Выходило, что матросы и офицеры и в плена безоружные, опухшие от голода и цинги, продолжали тот же самый бой, который они до этого вели на эскадренных миноносцах, в сухопутных десантах, на катерах».

Роман Мамина очень интересен с точки зрения его архитектоники. Главы из жизни героя-писателя чередуются с главами его повести о товарищах по войне и плена. «Законы совместного плавания» являются нравственным, гражданским компасом и там и там. Они глубоко раскрыты во взаимоотношениях людей, их сближениях и расхождениях. Это законы благородства, уважения, взаимопомощи, высоких гражданских чувств.

Люди на земле, как матросы огромного корабля, и только максимальное внимание друг к другу, товарищество, забота, взаимовыручка обеспечат правильный курс, хорошую работу и необходимый человеку, как кислород, нормальный нравственный климат.

Одно из наиболее заинтересованных в работе Пастухова лиц — молодая учительница литературы Софья, окончившая университет и обладающая тонким литературным вкусом. Благодаря ей он знакомится с другими людьми, которые становятся его единомышленниками. Отношение к литературной работе Пастухова явилось как бы тем оселком, на котором проверяются человеческие качества героев романа.

Бегло, но живо дана фигура оперуполномоченного — капитана, военного летчика Бориса Савина, который навещает Сергея в его лесной избушке. Двух участников войны сближает фронтовое братство.

С большой симпатией нарисован образ завхоза промартели «Знамя победы» Ивана Александровича Пешнева. Этот «бородач с ясными глазами юноши», простой и добрый, приглашает Пастухова работать в лесосеку: «Сво-

бодного времени у тебя здесь вагон будет. Я так считаю,— поясняет он, — раз что-то помешало человеку на свое место встать, то именно люди обязаны ему помочь крылья расправить».

Интересно задумана фигура лесоруба Кирилла Устюжанина, который в тридцать лет много прочитал и «посвоему думал». С живейшим любопытством следит он за рождением повести, от которой ждет прежде всего правды. Образ комиссара Дмитриева заставляет Кирилла, прошедшего через фронт и плен, вспомнить парторга своей роты, убитого под Невелем: «Бывало, огонь — головы не поднять, а он, понимаешь, впереди всех. Личный пример, говорит, главное оружие коммуниста. Знамя на себе из окружения вынес...» Волна таких воспоминаний в сердцах фронтовиков подтверждает типичность образа Дмитриева.

Устюжанин склонен кое-что и покритиковать в произведении. Так, «шоколадным обером» называет он выведенного в нем немецкого обер-лейтенанта, не склонного к зверствам: «у них ничего похожего не было». Автор возражает: «Не могла же война отменить чувство интернационализма. Ведь был же и Тельман!»

Убежденный, что «высота солдатской души, ее несломленность... возле печи крематория заслуживает Звезды Героя», Кирилл искренне хочет помочь Сергею и предлагает: «Давайте вместе поперечной пилой лес валить. Это скорее, чем лучковой. Время экономить будем. Оно теперь очень нужно, время-то...» Растроганный Пастухов, конечно, соглашается.

Соприкосновение с делом Пастухова, участие в нем пробуждают все лучшее в окружающих писателя людях. И Устюжанину оно становится не безразлично, он начинает видеть в нем общее дело. Суровая военная судьба и лесная работа роднят его с автором повести.

К произведению Пастухова проявляют живой интерес партийные работники. Обаятелен Иван Семенович Перепонтов, прямой, вдумчивый, благожелательный и доверчивый к людям. Он пришел с войны с больным сердцем, работал завучем в школе, а теперь заведует парткабинетом. Перепонтов много читает, следит за всем происходящим в мире.

Первый секретарь райкома партии Илиодор Федорович Кудряшов — лицо эпизодическое, но запоминающееся своей достоверностью. Ему до всего дело, он любит «неказенных людей», терпеть не может сплетников и пе-

рестраховщиков, вроде Александра Лихова, и потому также становится близким другом Пастухова, ограждая его от доносов. Настоящим коммунистом противостоит Лихов — мелкий и корыстный человек, подозрительный к другим, откровенно стремящийся использовать свое служебное положение, чтобы пристроить к выгодному местечку беспутного братца. Пожалуй, в его обрисовке краски чересчур уж черные, а действия честных людей, желающих разоблачить его, очень прямолинейны для того времени.

Пастухов трудится, как одержимый, при тусклом освещении, в «самом тихом месте в лесу», в «полном одиночестве»; он похудел и осунулся, «лик его стал великопостным, суздальского письма». Но ему легче, когда он читает написанное друзьям, советуется, выслушивает их мнения.

Перепонтов старается быть ему полезным, снабжает его бумагой и старенькой райкомовской пишущей машинкой. Его, как и других, глубоко волнует патриотическая направленность произведения. «Представляете, в плenу, в могиле этого лагерного барака, в пяти минутах от смерти, партийная организация готовит восстание! — восклицает Перепонтов. — Вот вам цементирующее начало большой идеи. И люди вокруг нее должны сгруппироваться бесстрашные и несгибаемые до конца...» Перепонтову вторит Софья, утверждая, что герои должны подчинять жизнь великой цели, чтобы с них можно было брать пример, как с комиссара, которому повесть явится достойным памятником. Она твердо убеждена, что автору должны помогать все: «в одиночку такого груза не поднимешь». И, действительно, все новые и новые люди становятся друзьями Пастухова, руководствуясь законами товарищества и братства.

Веру в успех повести укрепляет появление знаменитого рассказа М. Шолохова «Судьба человека»: «Это была судьба Сергея Пастухова, его повести, его комиссара и матросов...» И она сигнализировала, что для повести Пастухова «путь свободен».

Умеет «загораться чужой заботой» инженер-строитель Василий Гордецов, образ которого жизненно правдив. Из-за каких-то неприятностей он покинул Москву и потянул за собой в Сибирь жену-аспирантку. «Плечистый, с кирпично-красным лицом, с густым рыкающим голосом, верткий, взбалмошный, вечно спешащий и всюду успева-

ющий», он возглавляет бригаду шабашников. Речь у него «злая и цветастая», подчеркнуто грубая: «Ушел-таки из нашей шарашки. В лес к Пешневу зашанхailся». Эта грубоизбитость, видимо, проявление его обычной фронды.

Может показаться, что Гордецов преуспевающий и довольный ловкач и делец. Однако Пастухов не зря называет его «седеющим неудачником». По сути Василий — добродушный, честный человек. Всю войну он прослужил в гвардейской дивизии. А теперь запутался, сбился с пути. Талантливый инженер, возглавивший бригаду шабашников, он тяготится этим. «Люблю, грешный человек, людей живых, умных, с совестью», — тоскливо говорит Василий, и сам он, несомненно, умен, потому ищет общения с понимающим его Пастуховым.

Чем Пастухов дорог Гордецову? Рядом с ним он, бывший фронтовик-доброволец, чувствует себя настоящим достойным человеком, нравственно очищается от житейской скверны. Свою помощь Пастухову он расценивает, как помощь в большом патриотическом деле. Принимая пастуховские законы благородства, уважения, товарищества, он проявляет лучшие стороны своей натуры.

Василий и Софью, подругу своей жены, просит всячески содействовать работе Сергея. Его стремление вернуться к настоящей честной жизни наконец сбывается, и не без влияния Пастухова.

Ближе других Пастухову молодая учительница Софья Балахнина. У нее яркая внешность: выразительные серые глаза, «летящая походка и гордый взброс огненно-рыжей головы». Детдомовка, рано оставшаяся без родителей, она сумела окончить университет. Ее связывает с Пастуховым как будто лишь интерес к его литературной работе, но дружба, сочувствие к судьбе Пастухова постепенно переходят в более сильное чувство. Это люди разных поколений, и сходятся они не во всем. Так, недавняя студентка Софья склонна к романтике (недаром ей так приглянулись стихи Пастухова о Летучем голландце). Она упрекает писателя в недостатке литературного вкуса. Ее кумир Блок кажется Пастухову «мраморным», хотя и достойным почтения «за масштаб таланта».

Балахнина все больше входит в жизнь писателя, ее увлекает рождение у нее на глазах повести о «трагедии человеческой». Стремясь быть как можно более полезной Пастухову, она ночами страницу за страницей перепечатывает уже написанное, чтобы послать произведение в

разные места: «...Повесть шла через Софьины руки, как пощелкивающий на стыках рельсов вагон, груженный судьбами людей, суровыми морскими пейзажами Севера, ненавистью и любовью». Она уже считает это произведение «их» повестью, так как вложила в него часть своего сердца. «Добрые правила совместного плавания срабатывали вполне исправно, — радуется Сергей Пастухов, — и Софья была в них так же закономерна, как суровый добряк Пешнев или набитый всякой занятной книжностью Устюжанин».

Может показаться, что ее роль в создании повести, где она «командовала и расставляла все по-своему», явно преувеличена и Пастуховым, и ангарцами, и ею самою. Но нам симпатичны ее молодой максимализм, пренебрежение к тому, что будут говорить о них в поселке, жалость к жене Пастухова, готовность помочь ему чем только сможет в быстрейшем завершении работы — ведь она понимает, что признание повести явится духовным освобождением для Пастухова. И разве всего этого для молодой девушки так уж мало?

А Пастухов «скрытно от самого себя» думает и даже скучает о Софье. Не прошло и года — и он, пожалуй, уже не может обойтись без ее ободряющей улыбки, участия, советов. А ведь это любовь. Софья помогает Сергею много понять в себе и окружающих, снимает с его души заскорузлость. Потому «именно она... вдруг стала душой всех еще не написанных глав».

Образ Балахиной несколько холодноват. Но когда читаешь последние страницы, написанные сильно и трогательно, и видишь Софью навсегда уезжающей из села, чтобы не строить свое счастье на несчастье других, чувствуешь, как ее образ оживает, теплеет. В нее начинаешь верить, и ее становится жаль.

Жена Пастухова Олимпиада контрастирует романтически настроенной Софье, как «вполне земная» женщина. Она была хорошим партнером мужа на лесоповале. Но в литературной работе со своей семилеткой Олимпиада ему не помощница, да и не отрешилась она еще от мысли, что это что-то «вроде чудачества» (это мнение, возможно, подкрепляется влиянием ее матери, которая как бы олицетворяет сибирскую дремучесть и твердит зятю: «писатель и без тебя хватает!»). Однако в Олимпиаде — «грубовато-привлекательной сибирячке» — Софья справедливо подметила чистосердечие, доброту и жалость к Пастухову.

Да и сам он, не ударивший в жизни «ни одной собаки», ценил ее доброту к людям и животным, за что прощал ей многое.

Колоритен образ жены Гордецова — Алевтины. Бывшая московская дама, почти кандидат наук, она последовала в Сибирь за своим «путаником» мужем (без нее «он бы попросту свихнулся и никогда бы не стал тем, чем может стать по своему образованию и способностям»). Гордецова пытается в глухи сохранить открытый дом, столичные привычки. Прервав на какое-то время научную работу, она переключается на преподавание математики в школе.

«Образы романа многоплановы и достоверны. Все они связаны общим движением сюжета, центром которого становится рождение правдивой героической повести», — отмечает В. Размахнина.

Иногда писатели вводят одних и тех же героев в разные свои произведения. Это объясняется и важностью данных характеров, и желанием показать их на другом этапе жизни, в других обстоятельствах.

Чаще же герои повторяют друг друга под разными фамилиями. В романе Мамина тоже можно найти такие «самоповторы» героев, эпизодов. Справедливо высказывание о них Ивана Сибирцева: «Николай Мамин — писатель подчеркнуто прочных авторских симпатий и интересов. Читатель... найдет в его романе и откровенные самоповторы характеров, судеб, сюжетных положений, уже известных по таким повестям, как «Знамя Девятого полка», «Златые горы», «Валеркина любовь», «Витязи Студеного моря». Правомерность этого приема, давно известного в истории литературы, до сих пор дискуссионна... Но для меня совершенно ясно, что Н. Мамин остановил свой авторский выбор на таком решении абсолютно сознательно, отнюдь не из-за нехватки достоверного жизненного материала для своей новой книги. Выбор писателя, на мой взгляд, продиктован искренним, глубоким и совершенно оправданным стремлением еще раз, в новом ракурсе рассмотреть и показать ранее использованный жизненный материал, более углубленно проанализировать то, что в силу различных причин осталось недосказанным, недописанным в прежних повестях. Ведь на этот раз Н. Мамин писал роман, избрав, таким образом, самую полифоничную, открывающую наибольший простор для автора литературную форму. И, закрывая последнюю страницу этого романа,

на, я убеждаюсь, что все прежние повести писателя были своеобразной разведкой, овладением подступами к этой новой его книге. Что, написав ее, Н. Мамин преодолел принципиально важную ступень в своем творчестве. И потому допущенный автором известный самоповтор, при всей спорности этого приема, кажется мне применительно к данной книге оправданным, органичным»²¹.

Выход романа был настоящим событием для жителей ангарского поселка Мотыгино. «Когда к нам в книготорг привезли «Законы совместного плавания», — писал автору книги учитель В. П. Анонен, — мы, мотыгинцы, с удивлением и захватывающим интересом накинулись на роман. Ведь писатель-то наш земляк, и пишет о наших местах, и многие прототипы очень уж знакомы! Даже фамилии изменены чуть-чуть только, а пейзажные зарисовки просто подлинны». Так в образе Перепонтова жители поселка узнали всеми любимого и уважаемого партработника Феррапонтова.

Описания природы в романе красочны и слиты с переживаниями человека. Мощная река, от которой веяло «прохладой и здоровьем», поднимала настроение героя. Под солнцем она — «словно отлитая из дюраля», на закате — «будто вытекающая из огненного ковша расплавленной руды». Прибрежные горы — в «сизой щетине леса». Казалось, если бы не дизеля, то было бы слышно, как тонко звенит хвоя, прочесываемая теплым ветром». Весенняя тайга «от бурно тающего снега» становится «призрачной, затянутой теплым парным туманом, она маняще пахнет пихтовой смолой, березовой почкой». В «шалом весеннем ветре уже угадываются крики гусиных стай, возвращающихся на Ангару с далекого юга»... А зимою над лесом стоит величавая тишина, «трепетно и горячо» мерцают звезды. Когда же «яростно» кипит метель, кажется, что «струи белых опилок с шипением летят мимо единственного окна» лесной избушки. К утру буря стихает, и «tronутое рассветом оконце, все заросшее папоротниками изморози, голубой прорубью уже светится сквозь сон».

Многие читатели прислали Мамину свои отзывы о романе.

Так, прораб Юрий Колпаков из Игарки писал, что роман «захватил его своим мужеством и братством». Герои ему виделись, «не как книжные образы, а как живые люди тех трудных лет... Удивительно, как просто, но как

емко написано. Книга — нужная вещь нашей молодежи»²³.

Виктор Ященко, начальник Минусинской комплексной экспедиции, сообщал, что роман «пользуется большим спросом и популярностью, воспринимается с большой теплотой... В нем есть все: и партийность, и поучительность...»²⁴.

Прочитав это произведение, старшеклассники и учителя Черногорской средней школы № 16 пригласили автора на районную читательскую конференцию.

Любопытное письмо пришло в Красноярское книжное издательство из Минусинска от студента-второкурсника техникума Саши Ковалева: «Эта книга очень взволновала меня. Некоторые места я прочитал несколько раз. ...Я полюбил четырех героев романа: Софью Балахнину, Сергея Пастухова, его жену Олимпиаду и Василия Гордецова».

Интересны воспоминания Ивана Уразова — редактора романа «Законы совместного плавания» об его работе с Маминым:

«Мы всегда узнаем об его появлении в издательстве по тому характерному оживлению, которое неустанно следует за ним всюду. Он еще где-то на лестнице, а голос его уже слышен во всех кабинетах пятого этажа.

— Мамин пришел!

И уже жди: сейчас распахнется дверь — и он ворвется в своем неизменном кожане мотоциклиста с объемистой папкой под мышкой, которая тут же плюхнется на чай-нибудь стол.

...Николай Иванович оказался нетерпеливым: уже на следующий день подкатил на своем мотоцикле и с ходу:

— Ну, как? — Но в бой не кинулся, а совсем мирно прочитал мои заметки по первым главам, поразмышлял вслух и попросил их домой, обдумать. На следующий день снова встреча, и опять вопреки моему ожиданию он явился одухотворенным, задорным. А заговорил с грустноватой доверительностью:

— Неужели, Иван, у меня и в самом деле тут не удалось? — и сам же ответил: — А пожалуй, ты прав насчет первой главы.

Через неделю мы уже сидели рядом, перебирали страницу за страницей, перечитывали, советовались, поправляли. Местами возникал спор — и вот тут-то передо мной стали раскрываться вовсе неведомые мне страницы, не

из рукописи, нет, а из самой жизни писателя. Как много было пережито им! И как искренне он любит ее — жизни! Всю — с прошлым и настоящим.

— Все мои герои биографичны, — сказал он и стал перечислять по именам, характеризуя каждого в неповторимой индивидуальности.

Иногда не сразу давался образ, фраза.

— Нет, — обрывается он, — над этим я дома подумаю, тут не получится. Вот общими усилиями найдено удачное слово. Писатель вдруг преображается, он с детской восторженностью повторяет его, четко выводя буквы, и одобрительно говорит:

— Хо-ро-шо-о. По-лу-ча-ет-ся...

И при этом мягко, мягко улыбается, склонив голову набок».

В 60-е годы Мамин задумывает многоплановый роман «Тракт, на котором буквуют» (отрывок из него был опубликован в двухмесячнике «Енисей», 1961, № 2). Писатель стремился показать богатую галерею человеческих характеров. В романе действуют шоферы ангарского тракта, инженеры, геологи, партийные и хозяйствственные руководители, учителя, работники следственных органов и прокуратуры. События охватывают время почти в двадцать лет и разворачиваются на Ангаре, в Ленинграде, Москве, Красноярске и так далее. И хотя судьба многих героев романа полна драматизма и нелегких испытаний, роман воспринимается оптимистично, как стремление помочь людям поверить в правду наших социальных идей и устремлений.

Мамин работал над романом до последних дней. К сожалению, произведение осталось незавершенным и целиком опубликовано не было.

С первых шагов своей литературной работы и до последних дней Мамин считал очерк одним из оперативнейших жанров, помогающих писателю откликаться на события, проявлять свою гражданскую активность и заинтересованность в делах страны.

Мы помним его очерки 30-х годов («По Маркизовым лужам», «Дисквалифицированный океан» и другие). Но особое место занял очерк в творчестве Мамина в 50—

60-е годы, когда он становится внештатным корреспондентом «Удерейского рабочего» и «Красноярского рабочего». В эти годы писатель создает очерки «Призвание», «Буро-вой мастер», «С производства — на партработу», «Будни золотой тайги» и другие. С. Сартаков писал Мамину: «...на днях слушал Ваш радиоочерк о лесорубах. Молодец! Чувствую, как бурлит у Вас творческая энергия»²⁵.

«Сейчас только с большим удовольствием прослушал твой очерк о плотогонах, — сообщал писатель Николай Волков. — Сколько чудесных художественных маяков, как великолепно дано настроение и внутреннее содержание Савина!»

«На днях слушал твой очерк по радио. Сделан хорошо, не по трафарету», — радовался писатель Николай Устинович.

Очерк «Капитан ангарского буксира» в 1961 году вышел отдельным изданием. Он посвящен ангарским лесосплавщикам, их нелегкой, но такой необходимой для страны работе. Герои очерка — начальник пристани Стрелка Александр Иванович Краюхин, капитан 150-сильного буксира «Атаманово» Федор Иванович Сарин и его коллектив в «пять живых человеческих сердец», ведущий «речной бой за ангарскую древесину». Очерк «Как сбываются мечты» рассказывает о достижениях далекого таежного Приангарья, где сегодня растут современные поселки гидростроителей и геологов.

Особый интерес у слушателей вызвал радиоочерк о лауреате Государственной премии капитане Ф. П. Демидове «Сад старого капитана» (1958 г.). Герой очерка писал Мамину: «Слышал написанный Вами великолепно, со всеми подробностями, очерк, за который сердечно благодарю. Я удивился, откуда у Вас обо мне такие подробные сведения. Ведь мне с Вами так мало пришлось поговорить».

Коллективу металлургов Красноярского завода «Сибэлектросталь» посвятил Мамин свой очерк «Горячий цех» (издан в 1961 году).

В эти же годы писателем создаются очерки на историко-революционную тему — «Большая душа», о дружбе народов — «Моя Белорусь», «Вблизи Пирчюписа» и другие.

Вместе с произведениями С. Сартакова, Н. Устиновича, И. Рождественского и других писателей очерки Мамина рассказывали о созидающем труде красноярцев, зва-

ли в Сибирь молодых романтиков и энтузиастов, воспитывали любовь к суровому, но такому прекрасному сибирскому краю.

Рассказ о творчестве Мамина был бы не полон, если бы мы не сказали, что на протяжении всей своей писательской деятельности, считаясь в основном прозаиком, он создавал и поэтические произведения. Правда, поэмы Мамин чаще всего публиковал в отрывках. Так, отрывок из поэмы «Эсминец Керчь» был помещен в красноярском сборнике «День поэзии» 1967 года. В центре повествования — образ мужественного командира эсминца «Керчь» В. А. Кукеля. Видный деятель гражданской войны, он обеспечил переход в Новороссийск части Черноморского флота, где в 1918 году он был затоплен, чтобы не достался врагу.

Флажки бросают росчерки слов,
Как алую кровь из вен.

Идею поэмы выражают слова Кукеля:

Есть слово «сдача» во всех словарях,
Но только во флотском нет.

Много лет создавал Мамин поэму «Сказание о кронштадтском пушкаре Петре и корабельном коте Мартыне». Последний ее вариант относится к 1966 году. Поэма открывается вступлением «Кронштадт» с подзаголовком «вместо пролога». Эта часть (82 строки) была полностью напечатана в сборнике «День поэзии», вышедшем в Ленинграде в 1975 году. «Кронштадт был любовью Мамина, его вдохновением, его совестью. Образ крепости перерастает у поэта в символ верности России и флоту. В этом вступлении — «весь Мамин, его душа, его вера», — писал Всев. Азаров ²⁵.

Петр — военный моряк («уж третий год в огне») во лье судеб оказывается на английском судне «Мэри Локк», которое везет в советский Мурманск тысячи тонн ценнейшего груза. Он умело действует в сложной обстановке 1942 года, метко сбивает немецких стервятников, в одиночку и группами бомбящих корабль. Но «корабельный люд» не выдерживает налетов, он в панике готов высаждаться к норвежцам или финнам. Безвольный капитан не в силах остановить людей. Лишь благодаря твердости пуш-

каря, угрожающего открыть огонь по дезертирам, они остаются. Его поддерживают кок, радист и простые английские моряки, которым он симпатичен своей приветливостью и добротой. «Секретная служба» корабля стремится подвести Петра «под расстрел» за вмешательство в «английские дела». Но рядовые британцы считают это бесчестным и защищают отважного советского моряка. Правда восторжествовала... В конце поэмы говорится, что Петр окончил мореходное училище и стал капитаном. Поэма проникнута духом интернационализма, призывает к сплочению и братству народов.

Мамина с детства привлекали парусные суда, воплощавшие живую историю флота. В свою записную книжку 1966 года он занес: «Как конь всегда будет приятнее любого автомобиля своей живой теплотой и одушевленностью, так и парусник, по сравнению с дизельным судном, всегда будет казаться живым существом»²⁶.

Еще в ранней флотской юности его творческое воображение беспокоило легендарный образ Летучего голландца.

Старинная легенда рассказывает о капитане голландце, поклявшемся дьяволу в любую погоду обойти мыс Доброї Надежды. Дьявол поймал его на слове и пообещал: обойдешь — твоё счастье, а нет — будешь вечно скитаться по морям. Капитан не смог в сильнейшую бурю преодолеть волн и ветра и не обошел мыса. И вот он плавает с тех времен по морям. Раз в несколько лет ему дозволяется сходить на берег. Спасти его от дьявольских чар в силах только женская любовь и верность. Но заколдованный капитану не везет в любви.

Загадочный капитан на заколдованном корабле-призраке. Вечный скиталец. Таинственные пассажиры-привидения, пишущие письма к давно умершим людям. Недаром этот сюжет много раз использовался в литературе и музыке. Эту легенду рассказал когда-то Генрих Гейне, один из любимейших поэтов Мамина, в произведении «Из записок господина фон Шнабелевопского». «...Однажды ночью, — пишет герой Гейне, — увидел я большой корабль с распущенными кроваво-красными парусами, похожий на темного великана в пурпурном плаще. Не был ли то Летучий голландец?»

По-своему композитор Вагнер использовал сюжет легенды в опере. У него Летучий голландец обретает нормальную человеческую жизнь на берегу, так как одна из

его возлюбленных доказывает свою верность ему тем, что бросается в море и гибнет...

Замысел возник у Мамина давно, но лишь в 1944 году написал он свою «Балладу о Летучем голландце (рассказанную штурманом в госпитале)». Пояснение в скобках как бы освобождает автора от ответственности за неправдоподобие повествования — легенда, да еще в чужой передаче.

Интересен разговор критика Анатолия Елкина с автором «Баллады». Елкин рассматривает ее как дань старой, но занимательной «стивенсоновской» романтике. В своей книге «Одна тропка из тысячи» критик привел строки из баллады Мамина:

Что есть романтика? Где стяг сей гордо реет?
В каких пределах? Средь каких исканий?
Не лги ты, праздная! Ты только угол зренья,
Излом лучей под толстыми очками,
Он был грязней, чем угольщик савонский,
проклятый бриг Летучего голландца.
Я за него не дал бы и червонца,
так туг штурвал и провалились шканцы.
Воды не иссякают здесь запасы,
не горкнет сало, не сгорают свечи,
и даже спирт, чем залиты компасы,
нет смысла пить. Все поглощает вечность.

А. Елкин вспоминал:

«Когда он прочел мне когда-то эти, публикуемые здесь впервые строки, я спросил:

— Почему вас вдруг потянуло на «стивенсоновщину»?

— «Стивенсоновщину»? — он удивленно поднял брови. — А что вы понимаете под сим словом? — Он задумался. — Не знаю... Все это очень сложно. Может быть, жизнь у меня сложилась запутанно и трудно, но где-то в самой глубине души, в самых отчаянных обстоятельствах, у меня всегда жили образы «Острова сокровищ». Это трудно передать, но они почему-то ассоциируются у меня и с тоской по морю, и с флотской юностью, и с чистотой — да, да — чистотой жизни... А образность — все может быть — «стивенсоновская» она или какая другая, но работа над поэмой для меня была как возвращение в круг всегда будоражившей мое воображение легенды»²⁷.

В сказочно-фантастическую форму Мамин вложил революционную идею восстания против гнета.

Главный персонаж поэмы — матрос в кабачке «Зеленая трясогузка» встретился со старшим штурманом «Летучего голландца» и был им завербован на его парусник.

И через стол свой мертвый лик придинув,
он рассказал, что бог их обезглавил,
но даже смертью не покрыв все вины,
послал их бриг навеки в море плавать.

Населенный мертвецами корабль носился по океану, ему ничто не угрожало, другим же он нес гибель.

По всем морям обоих полушарий,
От Ферро до тропического пекла
Носило нас, и призраки шуршали
Комзолами семнадцатого века.

Все кончилось матросским бунтом, поднятым завербованным матросом, от лица которого ведется рассказ:

Матросский бунт! Ты годы в трюмах тлеешь,
в канатных ящиках согнув тугие плечи,
чтоб взвиться с командорами на реях
как судия, истец или ответчик.

Матросский бунт! Ты прям, как старый штуцер.
Твои родители — воловья плеть да голод.
Ты стар, как бог, грешней, чем папский нунций.

На мятежном корабле полуистлевший черный разбойничий флаг сменяется смоченной в крови рубахой...

Автор, будучи очень строгим к себе в оценке своих произведений, считал эту вещь «хотя и достаточно яркой... но типично эпигонской, идущей от Гумилева и раннего Багрицкого». Однако зримо встают перед читателем образы из легенды. Стrophы упруги и динамичны:

Там времени мы не были подвластны,
Стоял песок у склянок в узком горле.
Мы на пробоины не заводили пластырь,
Не брали рифов при попутном штурме.
Мы лишь летели сквозь туман и брызги.
На камни шли, не разбиваясь насмерть.
И каждый, видевший «Голландца» близко,
Тонул, сгорал, вонзался килем в айсберг.

Я помню, как Николай Иванович читал балладу глуховатым угрюмым голосом, и она захватывала слушателей мятежной романтикой.

Интересно, что и современных поэтов (например, Но-

веллу Матвееву) привлекает обработка легенды о Летучем голландце.

К жанру баллады Мамин обращался вплоть до 50-х годов (в 1955 году написана не опубликованная им «Баллада о верности»).

Мы с полным правом можем сегодня сказать, что Мамин стоял у истоков нашей советской маринистской поэзии, да и прозы тоже. Его поэтическое творчество разнообразно по жанрам — стихотворения, песни, баллады, поэмы — и высокопатриотично. Художественные образы часто связаны с морем и морской службой, необычны рифмы («полушарий — шуршали», «сталь — встарь»), сложные эпитеты («багровознаменный значок», «древне-черный лес»).

С течением времени поэту удалось освободиться от первоначальной риторики, но остались острота сюжета, динаминость, эмоциональность, гиперболизм, контрастность и метафоричность языка.

Хорошо сказал поэт-моряк, друг писателя по ЛОКАФУ Влад. Азаров, что «стихи сопровождали Мамина всю жизнь».

«ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА»

Настоящим событием для Мамина стало участие в работе II съезда писателей России в марте 1965 года. И хотя в шумной столице Мамин чувствовал себя «воробьем, попавшим в механизм башенных часов», но приятно было вспомнить многое из дальних лет, например, как впервые видел и слышал здесь М. И. Калинина и Н. К. Крупскую... Зеленая записная книжка писателя вобрала в себя фамилии выступавших на съезде, интересные мысли, возражения, наброски писем в Сибирь. Тут и оценка доклада секретаря правления Союза писателей РСФСР Л. Соболева и выступления С. Наровчатова («подлинный доклад о писательских делах»). Внимательно прослушаны речи М. Шолохова, Р. Гамзатова, А. Кешокова.

Волновали встречи с читателями. Так, вместе с М. Годенко, В. Туркиным, М. Алексеевым он выступал перед издательскими работниками. Деловые разговоры состоялись в Воениздате, где готовилась к выходу повесть «Вилязи Студеного моря».

Наконец Мамин написал матери: «Моя Москва кон-

чилась. Побывал в нескольких музеях, в Кремле, в его соборах и целый вечер толкался по Василию Блаженному. Вчера почти весь день пробыл с Соболевыми у них на городской квартире — замечательно поговорили».

Давняя дружба связывала Мамина с Леонидом Соболевым, который восхищался жизнеспособностью и прочностью его локафовской закваски: Однажды Л. Соболев извещал: «9 июля 1967 года, как некий Демон, буду пролетать над просторами Сибири, отправляясь в Хабаровск, а оттуда... на Сахалин и в Магадан». Он просил «описать» о себе и «обнимал крепко, по-флотски, до хруста мослов».

Экспресс примчал Мамина из Москвы в родной Ленинград. Растрогало свидание со старыми друзьями — Ю. Германом, О. Берггольц, П. Капицей, А. Прокофьевым, А. Штейном, Л. Левиным, И. Эвентовым, Н. Брауном, М. Комиссаровой...

Но мрачно и грустно стало на душе, когда посетили Пискаревское кладбище, «оно величаво, огромно и строго — одни безымянные бетонные плиты...»

Со съезда Мамин вернулся воодушевленный, полный новых творческих замыслов. Встреча с друзьями литературной юности как бы омолодила его, он радовался, что друзья помнили его, звали в любимый город. Союз писателей даже обещал похлопотать насчет квартиры. Душа рвалась на невские берега, но творческие планы были крепко завязаны на Сибири, Красноярском крае, где были прожиты нелегкие годы. Красноярье, Енисей, люди, с которыми здесь сошелся и подружился писатель, крепко вошли в его душу, судьбу и разорвать это было почти невозможно...

Мы видели, Мамин не был кабинетным литератором, без общения с людьми, без почти ежедневных встреч с писателями, издателями, товарищами он не представлял себе свое существование, свою работу. Многие удивлялись, когда он успевал писать, ведь в последнее десятилетие его жизни у него почти ежегодно выходили новые произведения. Друзья вспоминают, что Мамин мог работать в любых условиях. Часто он писал, сидя на диване и держа на коленях дощечку вместо столика, при этом, невзирая на шум, разговоры, даже краем уха прислушиваясь к этим разговорам, иногда вступая в беседу, он продолжал работать, исписывая страницу за страницей. «Я, если этого требует литературная работа, становлюсь человеком без

потребностей и могу жить на одном хлебе», — писал он в автобиографии.

Мамин любил и умел дружить с молодыми. А они тянулись к нему. Их привлекала его сердечность, благожелательность, умение и серьезные замечания делать тактично, с уважением к написавшему. Бывало, увидев его окруженным группой начинающих литераторов, спросишь: «Не слишком ли расточительно вы тратите время на все эти встречи? — А он в ответ: «Одна из заповедей настоящего писателя — воспитай ученика!» Он не мог иначе.

Многие годы по заданию Красноярской писательской организации Мамин руководил литературным объединением гидростроителей при дивногорской газете «Огни Енисея». Уже немолодой, плохо видящий в темноте, Мамин регулярно проезжал 40 километров, чтобы встретиться с дивногорскими авторами, которые собирались после работы поговорить о своем творчестве.

Многие сегодняшние писатели считают Мамина своим учителем и наставником в литературе. Вот несколько воспоминаний о том, как просто, сердечно и вместе с тем взыскательно относился Мамин к молодежи.

Однажды в редакции альманаха «Енисей» начинающий тогда писатель Владимир Шанин показал Мамину свои стихи и был приглашен Николаем Ивановичем на квартиру.

«Тогда он жил в селе Лукино, что под Красноярском, — рассказывает В. Шанин в «Слове о писателе-друге». — Пятистенный рубленый дом стоял в самом центре, и каждый житель знал Мамина. Он как раз заканчивал свою повесть «Крохальский серпантин», писал в ученических тетрадках, мелко и убористо — сказывалась давняя привычка экономить бумагу.

...Николай Иванович полулежал в постели, держа на коленях дощечку с листами бумаги, и писал. Увидев меня, он как-то очень уж запросто протянул руку и бросил озорно:

— Держи давай!

И заговорил быстро-быстро. Сначала все выспрашивал да выведывал «как» да «что», а потом, когда уже нечего стало выведывать да выспрашивать, глянул на меня и крикнул в приоткрытую дверь:

— Маша, готовь борщ, гостя корми!

Я запротестовал, но Николай Иванович был непре-

клонен. Когда я вернулся в комнату, Николай Иванович писал, но сразу же отложил рукопись.

— Ну, что там у тебя, давай выкладывай.

Он хотел, чтобы свои стихи читал я сам.

И пока я читал, он внимательно слушал, иногда заставлял повторять отдельные слова и восклицал:

— Гляди-ка, а! «Море изрезало руки о скалы». Никогда бы не додумался...

Или, когда ему что-то не нравилось, резко обрывал и спрашивал:

— Откуда ты взял?.. Думаешь, это хорошо?

Потом он читал свою поэму о моряках...

Уходил я от Н. И. Мамина окрыленным и с особым рвением брался за стихи, по-новому осмысливая их поэтическую суть...

Я с гордостью могу сказать, что он был моим первым учителем и наставником, он первый дал понять, какого для поэта поэтическое восприятие окружающего мира» (краснотуранская газета «Знамя Ильича», 1969, 4 января).

Эту сторону деятельности Мамина показал и писатель-моряк Борис Водопьянов в очерке «О Николае Мамине» («Енисей», 1980, № 6). Впоследствии Б. Водопьянов узнал, что Николай Иванович вышел из «большой и дружной семьи трудолюбивых и смелых русских интеллигентов, в которой талант служил бродильной закваской. Мамины строили первый дизель, Мамины изобретали гусеничный трактор, Мамины шли на фронты».

Водопьянова сближала с Маминым «романтичность натуры», «тяга к необыкновенному в обыкновенной жизни».

«Мне думалось, — говорится в очерке, — как же надо любить море, чтобы здесь, в самом центре сухопутной Азии, у человека теплели глаза от воспоминаний о своей корабельной юности!»

Были у Водопьянова всего три короткие встречи с Маминым, но они запомнились навсегда...

Николай Иванович одобрил два рассказа Водопьянова, а затем пригласил его на краевой семинар молодых писателей, на котором защитил Бориса от разносной критики, проявив «доброжелательность, любящий, уважающий автора ум». Мамин рекомендовал Красноярскому книжному издательству сборник рассказов Водопьянова и бук-

вально «бросался в бой» за них, явившись «крестным отцом» первой книги молодого автора.

Собирались они встретиться в Игарке и сделать несколько рейсов до Карского моря, но Мамин ушел в другой поход — с караваном речных судов, перегоняемых Северным морским путем...

По-доброму запомнился Мамин поэту Роману Солнцеву. 4 октября 1980 года Солнцев писал автору этой книги:

«Мамин не копался в строчках, когда я ему читал стихи, — он или восторгался, или грустно молчал, если стихи были плохие. Особенно ему нравились мои стихи о физиках — в частности, «Вот это яблоко раздора...» Он заставлял меня читать его на совместных выступлениях каждый раз. И еще — стихи о матери, «Поэму о жене чекиста», стихи о деревне, о родине. То есть те стихи, которые были близки ему щемящей тоской и болью, стихи о деревенской душе, попавшей в мир атомного времени.

Особенно мне памятна наша поездка в Нижний Ингаш — мы выступали в клубе, потом в школах... Николай Иванович безошибочно находил общий язык с самыми разными слушателями — и местными интеллигентами, учительницами, и с бывшими преступниками... Для меня эти встречи были чрезвычайно полезны...

Вообще стихи он любил. Все хорошие русские прозаики любят стихи. Наверное, иначе не может и быть. Сам он ведь в молодости тоже писал стихи! Он и читал что-то, но вспомнить не могу. Помню только его молодцеватую, юркую фигурку, стремительную походку, стремительные глаза, быструю улыбку, шуршащую кожаную куртку... и тихий голос, иной раз срывающийся от возбуждения на фальцет и крик.

Прекрасный был человек!»

Писатель Александр Астраханцев посвятил памяти Мамина живой и яркий рассказ «На круги своя» («Енисей», 1977, № 1). Николая Ивановича можно узнать в образе Ивана Прокопьевича, опытного художника слова, горячо интересующегося делами литературной смены.

Иван Прокопьевич пожелал познакомиться с начинающим автором — инженером Виктором Волоховым, в биографии которого есть общие моменты с биографией автора рассказа.

Вместо «солидного, немногословного, многотерпеливого мужа за солидным письменным столом, в благоговей-



Николай Мамин на своем мотоцикле. Красноярск 60-е годы

ной тиши, куда бесшумно слетаются Музы, Виктор, придя к писателю, увидел «обескураживающе простого», очень скромно одетого человека с засущенным лицом аскета, с юркими глазами»... Его «кабинет» представлял комнату с единственным стулом и письменным столом, заваленным рукописями, среди которых возвышался «Ундервуд»... Из соседней комнаты доносились шум, детские голоса. Иван Прокопьевич советует как можно больше читать, ссылаясь на пример А. Пушкина. Он убежден в необходимости для литератора зоркости глаза, знания жизни, бережного отношения к языку:

— Писательство требует полной самоотдачи... Труд литератора — каторжный труд с пожизненным сроком. Это подвижничество.

Эти мысли и советы запали в молодую душу, как доброе семя в благодатную почву...

Мамин умел быть сердечным и отзывчивым, не снижая требований к художественному слову, это подтвержда-

ет его статья «Разговор по большому счету (с краевого семинара молодых литераторов)», опубликованная в июле 1958 года в газете «Красноярский рабочий».

В апреле 1966 года Мамина благодарили за рецензию на роман «Не поле перейти» Вадим Иванов — писатель из Томска: «Ваша рецензия — это то, что мне было нужно. Нелицеприятный разговор, дружественный притом. С Вашиими критическими замечаниями в большинстве случаев трудно не согласиться».

Литератор Анатолий Керин писал Мамину: «Ваше стремление... привлечь к литературе новые свежие силы похвально и как ничто другое соответствует духу времени, и требованиям нашей партии».

В сентябре 1965 года состоялся знаменитый Читинский семинар, открывший целое созвездие молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, сегодня ставших гордостью нашей советской литературы. Среди них были Валентин Распутин, Александр Вампилов, Геннадий Машкин, Вячеслав Назаров и многие другие.

Мамин был приглашен в числе руководителей семинара. 7 октября 1965 года за «большую творческую помощь молодым» секретариат Союза писателей РСФСР объявил ему благодарность. После семинара Мамин поехал на встречу с пограничниками. Об этом писал он сестре Галине Ивановне: «Мы ездили по погранзаставам, один поэт (Михаил Асламов. — А. М.) из Хабаровска читал хорошие стихи, я читал отрывки из своих книг... Посмотрела бы ты, как нас слушали! В жизни я не видел столько цветов, сколько нам преподнесли на пограничных заставах в забайкальской степи. Они буквально не умещались в нашем автомобильчике. В виде особой признательности эти простые души поднесли нам значки «Отличник Советской Армии», и мы уезжали с границы растроганные и довольные тем, что оказались так нужны людям».

Душевная щедрость, умение понять человека, отзывчивость и простота делали Мамина близким очень многим людям, и не только литераторам. Военнослужащий В. А. Кривуленко писал ему в августе 1962 года: «В редкие минуты отдыха я вспоминаю Вас, дорогой Николай Иванович, не только как писателя, а в первую очередь как простого, искреннего, сердечного человека..., с которым охотно делишься самым сокровенным, дружбой с которым гордишься... Вы мне дороги, как отец, которого у меня нет».

Была у Мамина заветная мечта, с 1934 года не дававшая покоя,— пройти Северным морским путем от Архангельска до Владивостока. Только через 30 лет она начала осуществляться. В 1964 году он прошел от Красноярска до Диксона и обратно. «С того момента, как впереди открылась чистая вода, я согласен месяц не сходить на берег»,— писал он своему красноярскому другу. На судне это был не просто пассажир, а «свой человек». В свободное от писательской работы время читал «лучшие, по его выражению, мемуары века» академика А. Н. Крылова, стихи Анны Ахматовой, перечитывал «За далью — даль» Александра Твардовского, которого считал совестью нашей литературы. Писатель молодел от счастья, когда с разрешения капитана «целый час вел судно по локатору, давая курсы третьему штурману, стоявшему на руле». Припоминалась служба на «Авроре», морские походы, товарищи по флоту.

Из путевых писем Мамина встает образ великой реки — многоводной, изменчивой, обретающей в преддверии Арктики ширину и запах моря. «Кто не видел Енисея ниже Дудинки, — писал он родным с дороги, — тот ничего не знает о Енисее, но кто не был выше Дивногорска, тот тоже не бывал на этой большой реке. Она вместила в себя целую великолепную мозаику оттенков многих рек — есть кусочек и Волги, Дона, Немана и даже Нижнего Урала, не говоря уже о Каме и Печоре». Белые снега, окаймляющие Енисейский залив, конусы не-нецких чумов, лимонное небо в дни, когда допоздна можно писать без света, — все восхищало художника, согревало его строки. Диксон, где он сфотографировался у памятника следопыту Севера Никифору Бегичеву, показался ему «изнутри очень самобытным». Заинтересовал один тракторист, водивший санно-тракторные поезда до самого мыса Челюскин — больше тысячи километров! «Милейший тут народ и ни капли не избалованный!» — радовался писатель. А повариха теплохода — «величественная архангелогородская матрона» с интересной судьбой, показалась ему «сплошным сюжетом».

В 1966 году Мамин шел от Архангельска до Салехарда на Оби (бывший Обдорск) с экспедицией Севморпроводок, начальником которой почти 20 лет был Федор Васильевич Наянов. Его тактика — «будто бы неспешное выжидание, скрупулезный анализ ледовой обстановки и — стремительный рывок в очистившееся ото льда морское

«окно» — вновь одерживала победу в «поединке с седой и суровой Арктикой», — писал Мамин в очерке «Прикосновение к подвигу».

Лето 1968 года писатель намеревался провести за рабочим столом, собирался приступить к давно задуманной повести о молодежи. Но «морская душа» пересилила, и с командировочным удостовериением в кармане он вновь спешит к своим излюбленным морякам, идущим по маршруту Диксон—Владивосток. Возвращение намечалось к Октябрьскому празднику. 22 августа он вышел из самолета на Диксоне, куда экспедицией Севморпроводок уже было подведено более десятка судов. Мамин устроился на плоскодонной шаланде «Печорская», капитан которой А. Н. Алексеев-Гай был его другом еще со времен ЛОКАФа. Многие из экипажа оценили простоту и душевность Николая Ивановича. Однако народ подобрался всякий и, как оказалось впоследствии, не для всех были непреложными законы морского братства...

В походе Мамин, как всегда, несмотря на обстановку плавания, работал. Была написана часть рассказа «Орленок». Гражданская война на Волге летом восемнадцатого года должна была стать содержанием рассказа «Шрапнель». Сложилось начало рассказа «Палачка» («она удастся лучше всего»). Почти закончен рассказ «Котелок меда».

Действие происходит в первую мировую войну. Прозванный Рыжиком веснушчатый юнец-солдат из батальона капитана Стрепетова набрал с земли котелок меда, когда немцы разбомбили пасеку местных жителей. Как за мародерство трибунал приговаривает его к высшей мере наказания. Однако паренька посыпают в бой, и он погибает. Это произведение осталось в портфеле с последними бумагами писателя.

...Из-за погоды месяц потеряли на стоянках — на Диксоне, в бухтах Тикси и Провидения. Наступил период осенне-зимних штормов. Правда, 6 октября в довольно спокойный вечер, располагая обнадеживающим прогнозом погоды на сутки, решили пересечь Анадырский залив и двигаться дальше с заходом в Петропавловск. Но уже во второй половине следующего дня почувствовалось приближение жестокого шторма, началась качка, повалил снег, застилавший даль. Наконец шаланда «Печорская» была вышвырнута на отмель в нескольких десятках метров от берега, поднимавшегося отвесной стеной. 7 октября в Ана-

дырском заливе, между мысами Синоп и Гангут, Мамин писал родным:

«Ночью... валящий с ног ветер, волна такая, что все летит и бьется. В каютах-компаниях по битым тарелкам и рассыпанному сахарному песку носятся обезумевшие кресла — крен доходил до 40° (в жизни еще такого не видывал — меня чуть не выбросило из койки). Налетел снежный заряд такой густоты, что сразу ослепил рулевого и кэпа (капитана — А. М.), а мы не могли в этом свистящем аду определить свое место и потеряли в пурге огни переднего судна. А мне надоело быть футбольным мячом, и я попытался заклиниться в кровати, которая зыбкой взлетала вместе с каюта, шаландой и всем нашим греческим мирком»²⁸.

Это последнее письмо Мамина...

Шторм как будто стал стихать, но подошедшее спасательное судно «Диомид» вместо того, чтобы снять шаланду с мели, потребовало высадки экипажа на берег, рекомендуя переждать новый надвигающийся циклон на полярной станции, которая якобы находилась поблизости. Захватив минимум вещей и продуктов, десять человек с «Печорской» на шлюпке и мотоботе с «Диомида» добрались до берега и пошли в указанном направлении.

Мамин всегда не слишком берег себя. И в этот раз на нем была шоферская кожанка, легкие брюки, берет, брезентовые рукавицы. Он взял с шаланды портфель с рукописями, а от овчинного полуушубка отказался... Понадобилось перейти речку, преодолеть несколько ее рукавов и найти брод. Ноги промокли, из сапог текла вода, а сверху поливал налетевший дождевой шквал. Перевалив через встретившуюся сопку, моряки вновь спустились к реке. Продукты кончились. Отсыревшие спички сушили в волосах. Костер из сырого плавника не разгорался. Не найдя станции (она находилась где-то километров за 20, если не больше), решили вернуться на свое судно. Молодые члены команды ушли вперед и успели заблаговременно перебраться через речку. Когда же к ее низменному берегу подошли обессилевшие Мамин, капитан Алексеев, радиостаршина Пустынин и старший механик Евтушенко, уже смеркалось и переходить было опасно. Долго тянулась мучительная ночь, с помощью судового журнала развели слабый огонь, едва обогревавший руки и недостаточный, чтобы хорошоенько обсушиться. Старались двигаться, чтобы не закоченеть. «Всю ночь перед смертью... Николай вспо-

минал друзей, читал на память стихи Прокофьева, Саянова, Троицкого, Чуркина. Он звал к себе на выручку стихи своих товарищней, песни своей ленинградской молодости»²⁹. Тем не менее он находил свое положение безнадежным и даже предлагал попрощаться друг с другом, пока не покинуло сознание...

На рассвете, отыскав брод, стали переходить. Быстрое течение сбило Мамина с ног. Его сумел подхватить механик, но одежда и обувь уже успели еще больше промокнуть. Вдобавок писатель стал терять зрение, заметно слабеть. «Саша, это не недостаток мужества, а просто сил нет», — сказал он капитану, прося оставить его, так как идти он уже не мог. Его положили подальше от реки Плавниковой. Радист, которого послал к Мамину капитан, вернувшись, сказал, что он уже мертв. Было 9-е октября 1968 года, 2 часа 30 минут по чукотскому времени...

Оставшиеся в живых вернулись на шаланду. В медицинском заключении констатировалась смерть Мамина от переохлаждения организма. Из бухты Ушакова, где разыгралась трагедия, тело писателя было доставлено на вертолете в поселок Беринговский, расположенный на берегу бухты Угольной.

На дальнем Севере, где живут и трудятся герои многих его книг, на пустынном берегу Анадырского залива, возвышается холмик, возле которого положены два тяжелых якоря, как некий символ вечного причала. Певец моря, он и в последнее свое мгновение слышал его шум...

Безвременная кончина писателя глубокой печалью отозвалась в сердцах его друзей и читателей. Промелькнули некрологи в черных рамках. Появились прочувствованные стихи на его память. Но еще долго казалось, что он должен вернуться...

«Красота идей Коммунизма, развязанные крылья за спиной человеческой личности, мир не волчьих законов, а разумного труда и творчества — это мой мир»³⁰, — писал он матери, и еще многое мог и хотел сказать о нем, но не успел...

Оставленное им литературное наследие охватывает полувековую историю нашей страны, знакомит с людьми многих профессий, с их мирным трудом и ратными подвигами. Он ушел от нас в пору своей зрелости, с пламенным желанием «писать, строить Коммунизм на свою полную «проектную мощность».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Большая Советская Энциклопедия, изд. 2-е. Т. 26, 1954, с. 190.
- ² В. П. Вильчинский. Советские писатели-маринисты. Л., Наука, 1979, с. 259—260.
- ³ Ю. Либединский. Дискуссия о молодой прозе. — Резец, 1933, № 11—12, с. 37.
- ⁴ П. Березов. Героика краснофлотских будней. — Знамя, 1934, № 3, с. 246.
- ⁵ Р. Мессер. «Якобинцы» Н. Мамина. — Залп. 1933, № 6, с. 67.
- ⁶ ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства), фонд 618, оп. 1, ед. хран. 20, лл. 4, 22; оп. 2, ед. хран. 1084, л. 194.
- ⁷ ЦГАЛИ, фонд 1038, оп. 1, ед. хран. 2938, л. 4.
- ⁸ Архив Н. И. Мамина (Красноярск).
- ⁹ Архив Н. И. Мамина (Красноярск).
- ¹⁰ М. И. Игнатов. Пламенное сердце комиссара.—Литература и жизнь, 1959, 18 ноября.
- ¹¹ Письмо М. И. Слепака от 14 августа 1961 г. — Архив Н. И. Мамина.
- ¹² В. Полустарченко. Моряк — слово емкое. — Красноярский рабочий, 1966, 15 июня.
- ¹³ Письмо Н. М. Другова Н. И. Мамину (1966 г.). — Архив Н. И. Мамина.
- ¹⁴ Письмо Б. Рясинцева Н. Мамину от 10 сентября 1959 г. — Архив Н. И. Мамина.
- ¹⁵ М. Горбунов. Голос могучего края (о Неделе сибирской литературы в Москве). — Советский воин, 1961, 26 марта.
- ¹⁶ Архив Н. И. Мамина (Красноярск).
- ¹⁷ Письмо А. Г. Керина Н. Мамину из Вологды от 3 апреля 1961 года.
- ¹⁸ Красноярский рабочий, 1960, 27 марта.
- ¹⁹ Н. Нечаев. У героев Николая Мамина.—Красноярский комсомолец, 1966, 8 июля.
- ²⁰ В. Размахнина. На дорогах крутых и дальних. Послесловие к однотомнику избран. произведений Н. И. Мамина. Красноярское книжное издательство, 1973, с. 541.
- ²¹ И. Сибирцев. Побеждает братство людей. — Красноярский рабочий, 1967, 2 сентября.
- ²² Письмо Ю. Колпакова из Игарки. — Архив Н. И. Мамина (Красноярск).
- ²³ Письмо Виктора Ященко Н. Мамину от 27 ноября 1967 г. — Архив Н. И. Мамина (Красноярск).
- ²⁴ Письмо С. В. Сартакова Н. Мамину от 8 апреля 1957 г. — Архив Н. И. Мамина.
- ²⁵ Всеев. Азаров. Судьба моряка. Вступит. статья, посвященная Н. И. Мамину. — День поэзии, Л., 1975, с. 421.
- ²⁶ Архив Н. И. Мамина (Красноярск).
- ²⁷ Анат. Елкин. Одна тропка из тысячи. М., Современник, 1973, с. 47—48.
- ²⁸ По северным широтам. — Енисей, 1969, № 2, с. 75 под этим названием опубликованы письма Мамина с Севера 1964, 1966 и 1968 гг.).
- ²⁹ Всеев. Азаров. Судьба моряка, с. 421.
- ³⁰ Письмо Н. Мамина матери от 29 апреля 1954 г. — Архив Н. И. Мамина.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ

БАЛЛАДА О ПЕРЧАТКЕ.—Красный Балтийский Флот (КБФ), 1928, 25 декабря.

ПОВТОРЕННЫЙ СТРОИ. — Красный Балтийский Флот, 1929, 4 августа.

О НЕЙ. — Красный Балтийский Флот, 1929, № 28.

ЧЕРНЫЕ ТОННЫ. — Красный Балтийский Флот, 1929, 25 августа.

КРЕЙСЕР «АВРОРА». — Красный Балтийский Флот, 1929, 22 сентября.

80 СТРОК БЕЗ НАЗВАНИЯ. — Красный Балтийский Флот, 1930, 16 марта.

БАЛЛАДА О БОЦМАНМАТЕ. — Красный Балтийский Флот, 1930, 6 июля; Залп, 1930, 4-я очередь (выпуск).

ЖЕЛЕЗНЯКОВ. — Красный Балтийский Флот, 1930, 16 февраля.

ПЕСНЯ О ПРОТИВОГАЗЕ. — Красный Балтийский Флот, 1930, 18 мая.

НАСЛЕДСТВО. — Красный Балтийский Флот, 1931, 22 февраля.

II. ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМ

«СУБМАРИНА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА», глава «Восстановление «англичанки» (около 50 строк). Л., 1932, № 2.

«ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦ «КЕРЧЬ». — Красноярский комсомолец, 1965, 25 июля.

«ЭСМИНЕЦ «КЕРЧЬ» (100 строк). — День поэзии, Красноярское книжное издательство, 1967.

«БАЛЛАДА О ЛЕТУЧЕМ ГОЛЛАНДЦЕ». — В книге: Анатолий Елкин. Одна тропка из тысячи. М., Современник, 1973.

«СКАЗАНИЕ О КРОНШТАДТСКОМ ПУШКАРЕ ПЕТРЕ И КОРАБЕЛЬНОМ КОТЕ МАРТОНЕ. Вступление. «Кронштадт». — В кн.: Анатолий Елкин. Одна тропка из тысячи. М., Современник, 1973; День поэзии, 1975.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА, КРИТИЧЕСКИЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ЧУЖИЕ ФЛАГИ. Рассказ. — Стройка, 1930, № 29.

ТУРНИР ГИМНОВ. Рассказ. — Залп, 1931, № 1.

- ЛЕВЫЙ ВЫВИХ. Рассказ. — Залп, 1931, № 11.
- ЯКОБИНЦЫ. Л., ГИХЛ, 1933. В сборник вошли рассказы и очерки: «Якобинцы», «Самозванец», «Логарифмическая линейка», «По Маркизовым лужам», «В стране малых дел», «Губернаторство фиордов», «Незамерзающее окно», «Дисквалифицированный океан», «Обратным курсом», «Шахматы у Скагеррака», «Турнир гимнов».
- ГИДРА. Рассказ. — Залп, 1933, № 6.
- ГОСТИ. Рассказ. — Знамя, 1933, № 8.
- ТОРПЕДА. Рассказ. — Знамя, 1933, № 11.
- ДЕВЯТАЯ КАТЕГОРИЯ. Повесть. — Воспитание комсомолом, Молодая гвардия, Л., 1934.
- КАМБУЗ. Рассказ. — Юный пролетарий, 1934, № 4.
- БОЛЬШАЯ КОРРЕКТУРА. Рассказ. — Резец, 1934, № 14.
- ПОГОН РОССИЙСКИЙ. — Резец, 1934, № 11.
- ПАВЕЛ РЫНДОВОЙ. — Резец, 1934, № 12.
- ВАЛЮТА. (Корабельные записи). — Звезда, 1934, № 12.
- ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ. — Вымпел, 1947, № 12 (под псевдонимом: Николай Ропчин).
- МУЗЫКА. — Вымпел, 1947, № 13. (под псевдонимом: Николай Ропчин).
- В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ АПРЕЛЯ. Рассказ. — Вымпел, 1947, № 18 (под псевдонимом: «Николай Ропчин»).
- БОЛЬШАЯ ДУША. Очерк. — Енисей, 1957, № 20.
- КАПИТАН АНГАРСКОГО БУКСИРА. Очерк. Красноярское книжное изд-во, 1958.
- РАЗГОВОР ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ. (С краевого семинара молодых литераторов) — Красноярский рабочий, 1958, 19 июня.
- ЗНАМЯ ДЕВЯТОГО ПОЛКА. Повесть. — Енисей, 1958, № 21.
- ЗНАМЯ ДЕВЯТОГО ПОЛКА. Повесть. Красноярское книжное издательство, 1958.
- ЗНАМЯ ДЕВЯТОГО ПОЛКА. Повесть. М., Воениздат, 1961.
- ЗНАМЯ ДЕВЯТОГО ПОЛКА. Повесть. Красноярское книжное издательство, 1969.
- ЗНАМЯ ДЕВЯТОГО ПОЛКА. Повесть. Красноярское книжное издательство, 1976.
- ВАЛЕРКИНО СЧАСТЬЕ (другое название — «Валеркина любовь»). Повесть. — Красноярский рабочий, 1958, 8, 16, 19, 26, 28 августа, 4, 16, 18, 19 сентября.
- ВАЛЕРКИНО СЧАСТЬЕ. Повесть — Сибирские огни, 1959, № 12.
- ВАЛЕРКИНА ЛЮБОВЬ. Повесть. — В сб.: под названием «Валеркина любовь» вместе с повестью «Златые горы». Красноярское книжное издательство, 1959.
- ЗЛАТЫЕ ГОРЫ. Повесть. — В сб.: «Валеркина любовь». Красноярское книжное издательство, 1959.
- ВБЛИЗИ ПИРЧЮПИСА. Заметки писателя. — Советская Литва, 1960, 17 сентября.
- КАК СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ. Очерк. — Енисей, 1960, № 27.
- ГОРЯЧИЙ ЦЕХ. Очерк. Красноярское книжное издательство, 1961.
- ТРАКТ, НА КОТОРОМ БУКСУЮТ. Отрывок из романа. — Енисей, 1961, № 2.
- ВИТЯЗИ СТУДЕНОГО МОРЯ. Повесть. — Енисей, 1962, № 3.
- ВИТЯЗИ СТУДЕНОГО МОРЯ. М., Воениздат, 1966.

- МОЯ БЕЛОРУСЬ. — Красноярский рабочий, 1964, 10 июля.
- РАССКАЗ ПАРТИЗАНА. — Красноярский рабочий, 1964, 18 октября.
- КРОХАЛЬСКИЙ СЕРПАНТИН. Повесть. — Енисей, 1964, № 4.
- КРОХАЛЬСКИЙ СЕРПАНТИН. Повесть. Красноярское книжное издательство, 1966.
- КРОХАЛЬСКИЙ СЕРПАНТИН. «Полевой цейс», роман «Законы совместного плавания» (серия «Писатели на берегах Енисея»), Красноярское книжное издательство, 1973.
- ПОЛЕВОЙ ЦЕЙС. — Енисей, 1965, № 4.
- ПОЛЕВОЙ ЦЕЙС. Красноярское книжное издательство, 1966.
- ПОЛЕВОЙ ЦЕЙС. Красноярское книжное издательство, 1973.
- ЗАКОНЫ СОВМЕСТНОГО ПЛАВАНИЯ. Роман. Красноярское книжное издательство, 1967.
- ЗАКОНЫ СОВМЕСТНОГО ПЛАВАНИЯ. Роман. Красноярское книжное издательство, 1973.
- ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ ЛЕОНИДА СОБОЛЕВА «КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ». Красноярское книжное издательство, 1967.
- СУДЬБА БОЛЬШОЙ СОВЕСТИ. (Главы из романа). — Енисей, 1967, № 5.
- ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПОДВИГУ. Очерк — Енисей, 1967, № 3.
- СПАСИБО ТЕБЕ, РОДНАЯ! Раздумья писателя. — Красноярский рабочий, 1968, 21 февраля.
- ПО СЕВЕРНЫМ ШИРОТАМ. Письма Н. И. Мамина. — Енисей, 1969, № 2.
- Я РАССКАЖУ ВСЕ. Приключенческая повесть. — Енисей, 1969, № 3.

ЛИТЕРАТУРА О ТВОРЧЕСТВЕ Н. И. МАМИНА

- Писатели Краснознаменного Балтфлота. — Залп. 1930, 4-я очередь.
- Рутков. Залп. — Смена, 1930, № 6.
- Мессер Р. «Якобинцы» Н. Мамина. — Залп, 1933, № 6.
- Мессер Р. «Якобинцы» Н. Мамина. — Знамя, 1933, № 8.
- Мессер Р. «Якобинцы» Н. Мамина. — В сб. «Перед боями», Л., 1933.
- Эвентов И. Рассказы высокого напряжения. — Знамя, 1933, № 7.
- Вересов Леонид. О кораблях на семь-восьмых молодежных. — Юный пролетарий, 1933, № 13.
- Молчанова Н. Знать точный адрес. — Залп, 1934, № 2.
- Березов И. Героика краснофлотских будней. — Знамя, 1934, № 3.
- Беляев Б. Отображая жизнь. Красноярское книжное издательство, 1958.
- Размахнина В., Шимохина М. У нас в Красноярске. — Литература и жизнь, 1958, 11 июля.
- Михайлюк Е. Достоинства и просчеты одной повести. — Красноярский рабочий, 1959, 28 марта.
- Щеглов С. Повесть о спасенном знамени. — Сибирские огни, 1959, № 7.

- Игнатов М. Пламенное сердце комиссара. — Литература и жизнь, 1959, 18 ноября.
- Шимохина М. Спасенное знамя полка. — Енисей, 1959, № 24.
- Николаева М. Правда человеческих характеров. — Красноярский рабочий, 1960, 19 апреля.
- Краткая справка о Н. И. Мамине. — В кн.: Мамин Н. Знамя Девятого полка, М., 1961.
- Горбунов М. Голос могучего края. — Советский воин, 1961, 26 марта.
- Галустян К. Верность долгу. — Советский воин, 1961, № 22.
- Полустарченко В. Моряк — слово емкое. — Красноярский рабочий, 1966, 15 июня.
- Нечаев Н. У героев Николая Мамина. — Красноярский комсомолец, 1966, 8 июля.
- Размахнина В. «Цейс» писателя. — Енисей, 1966, № 5.
- Сибирцев Иван. Слово о старшем товарище. — Красноярский рабочий, 1966, 13 ноября.
- Уразов И. В порыве молодости. — Красноярский комсомолец, 1966, 13 ноября.
- Сибирцев И. Побеждает братство людей. — Красноярский рабочий, 1967, 2 сентября.
- Нечаев Ник. Теоремы совместного плавания. — Красноярский комсомолец, 1967, 17 ноября.
- Мамин Николай. Краткая биографическая справка. — В кн.: День поэзии, Красноярск, 1967.
- Памяти друга. (Некролог). — Красноярский рабочий, 1968, 15 октября.
- Солнцев Р. Памяти писателя (стихотворение). — Красноярский комсомолец, 1968, 17 ноября.
- Сибирцев И. Витязю Студеного моря. — Енисей, 1968, № 6.
- Шанин В. Слово о писателе-друге. — Знамя Ильича (Краснотуренск), 1969, 4 января.
- Елкин Анатолий. Одна тропка из тысячи. М., Современник, 1973.
- Размахнина В. На дорогах крутых и дальних. — В кн.: Мамин Н. «Крохальский серпантин», «Полевой цейс», «Законы совместного плавания». Красноярское книжное издательство, 1973.
- Азаров Всев. Судьба моряка. — В кн.: День поэзии. Издво Советский писатель, Л., 1975.
- Вильчинский В. П. Советские писатели-маринисты. Л., Наука, 1979.
- Водопьянов Борис. О Николае Мамине. — Енисей, 1980, № 6.



СОДЕРЖАНИЕ

НАЧАЛО ПУТИ · · · · ·	3
ЯКОБИНЦЫ · · · · ·	17
ЭХО ПРОШЕДШЕЙ ВОИНЫ · · · · ·	30
ГЕРОИКА ТРУДОВЫХ БУДНЕЙ · · · · ·	46
«ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА!» · · · · ·	73
Примечания · · · · ·	84

ПРИЛОЖЕНИЯ

Поэтические произведения · · · · ·	85
Художественная проза, критические и публицистические статьи · · · · ·	85
Литература о творчестве Н. И. Мамина · · · ·	87

Антонина Ивановна Малютина

НИКОЛАЙ МАМИН

Редактор О. А. Хонина

Художественный редактор Е. П. Некорошкин

Художник Ю. Н. Зубков

Технический редактор И. Н. Черная

Корректор В. П. Емельянова

ИБ № 827

Сдано в набор 22.05.84. Подписано к печати 26.07.84.
АЛ00007. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура новая газетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,62. Усл. кр.-отт. 5.05. Уч.-изд. л. 5.07. Тираж 5000 экз. Заказ 217. Цена 25 к.

Красноярское книжное издательство,
660049, г. Красноярск, пр. Мира, 98.
Типография «Красноярский рабочий»,
660017, г. Красноярск, пр. Мира, 91.

25 κ.